

ТелоХранитель

ЧИКА

Страшная сила

Для
Гарина

Телохранитель Ника

Дия Гарина
Страшная сила

«Автор»

2011

Гарина Д.

Страшная сила / Д. Гарина — «Автор», 2011 — (Телохранитель Ника)

Она – не просто телоХранитель. Страстная красавица, психолог, знаток боевых искусств – вот неполный портрет героини трилогии Дии Гариной с загадочным именем Ника. А еще она просто женщина, которая верит в любовь и ищет свою половинку. Интуиция, доставшаяся в наследство от прабабушки-цыганки, помогает ей приоткрывать завесу не только семейных, но и государственных тайн. Вот только подчас не разобрать, где заканчиваются одни и начинаются другие.

© Гарина Д., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дия Гарина

Страшная сила

Глава первая

«Нет, это просто вопиющая несправедливость! – кипел во мне праведный гнев, пока ноги тащились по скользкому полу аэропорта «Внуково». – Выдворить меня из страны! В двадцать четыре часа!» Весь полет я места себе не находила, пытаюсь унять оскорбленное самолюбие. И даже ступив на родную землю, еще пыхла как паровоз братьев Черепановых. Разве я виновата в том, что безукоризненное выполнение мною обязанностей телохранителя старушка-Англия восприняла, как угрозу национальной безопасности?

Единственным утешением было чувство выполненного долга: моя подопечная могла больше НИКОГО не опасаться. Боже упаси, никаких трупов! Все решилось почти дипломатическим путем. Подумаешь, несколько свернутых носов, сломанных конечностей, сгоревших автомобилей и разрушенных зданий! Главное, что Рита теперь может спать спокойно.

Вот с такими мыслями я остановилась у газетного киоска, чтобы, с помощью желтой прессы, окунуться в жизненную круговерть исторической родины. Наряженная в костюм Санта Клауса продавщица еще раз подтвердила неистребимую тягу россиян к любым праздникам. И хоть отмечать католическое Рождество с великодержавным размахом у нас еще не принято, но предпраздничная суета уже чувствовалась в морозном декабрьском воздухе. Так что, одетая в легкую куртку, подходящую лишь для промозглой английской зимы, я периодически вздрагивала от его стылых прикосновений. Вздрогнула и сейчас. Но на этот раз не от ветра. От взгляда. Пристального, ненавидящего взгляда, заставившего мою спину покрыться частыми мурашками.

Доставшаяся мне от прабабки капля цыганской крови закипела, адреналин зашкалил, а в голове завертелись десятки самых фантастических предположений. Кто?

Кто может ненавидеть меня так, что кажется, будто куртка моя вот-вот расплавится от этого ядовитого чувства.

Не приученная оставлять опасность за спиной, я быстро повернулась, готовая дать отпор любому... и сникла, встретившись глазами с подтянутым молодым человеком в дорогом темно-сером пальто. Господи, ну почему ты опять посылаешь мне испытания? Неужели я полгода отгораживалась от прошлого Европой и Ла-Маншем только для того, чтобы, едва ступив на родную землю, столкнуться с этим самым прошлым лоб в лоб.

Что я ему скажу? «Сожалею о случившемся?» «Я ни в чем не виновата?» Что я скажу человеку, чей отец пытался похитить мою предыдущую подопечную, собирался убить меня, и в результате сам был убит моим бывшим возлюбленным?.. Но Сергей Хамисов не стал дожидаться, пока я хоть что-нибудь изреку и, быстро сократив разделяющее нас расстояние, просто сказал:

– Привет, Ника.

– Привет, – выдавила я. И, решившись наконец снова заглянуть в его лицо, облегченно перевела дух. Я ошиблась. В серых, чуть раскосых глазах секретаря бизнесмена Челнокова не было ненависти. Только боль, начинающая понемногу затягиваться туманом забвения.

– Ты откуда?

– Из Англии, – ответила я, вкладывая все свое разочарование английским законодательством в один тяжелый вздох.

– Одна? – Сергей настороженно окинул взглядом обтекающий нас людской поток, как будто ожидал увидеть в нем убийцу отца.

– Совершенно одна. – Моя рука успокаивающе легла на его запястье и, подстегнутые этим жестом воспоминания прорвали плотину, которую я кропотливо возводила целых полгода. В голове завертелись ожившие картинки прошлого, яркие, как новогодние игрушки, и такие же хрупкие. Вот богатенький Буратино – бизнесмен Владимир Андреевич Челноков принимает меня на работу телохранительницей его ненаглядной доченьки.

Вот сама Эля Челнокова удирает из-под моей опеки через театральный туалет, чтобы вляпаться в очередную историю по самое «не хочу». Вот ее брат Павел Челноков... Нет-нет-нет! Мы так не договаривались! Уж кого-кого, а старшего сына миллионера я совершенно не собираюсь вспоминать. Тем более что секретарь Сережа уже целых пять минут безрезультатно пытается привлечь мое внимание.

– ... просто удивительное совпадение. Вы ведь могли запросто встретиться с ней в лондонском аэропорту.

– С кем?

– С Элей конечно. Она на рождественские каникулы домой прилетает. А я ее встречаю вместо Владимира Андреевича. Он сейчас в Цюрихе...

– Постой, так ты что же, до сих пор у него работаешь? – Я даже немного оторопела. Не ожидала от Сережи такого поворота. – Но ты... он... твой отец...

– Со стороны это, наверное, выглядит дико. Я... – Сергей очень серьезно посмотрел на меня. – Понимаешь, Ника, мой отец задолжал Челнокову. По-крупному задолжал. И Эльке тоже. Но его уже нет, а значит, я должен за него расплатиться. Должен. Ты, наверное, этого не поймешь, Ника, но...

Сергей напряженно замолчал, а я снова тяжело вздохнула. Как же ты не прав, мальчик. Я понимаю тебя как никто. Потому что сама семь лет искупала вину человека, которого любила. Искупила ли? Кто знает...

– И куда ты теперь? Может, в наш город завернешь? По своим телохранительным делам... – Кажется, Сережа был рад скрасить ожидание обычной болтовней, но мое настроение рухнуло вниз так стремительно, что я, издав третий и самый глубокий вздох, энергично затрясла головой.

– Нет уж! С телохранительством покончено. В последнее время у меня от него одни неприятности. Домой вернусь. Буду жить, как все нормальные люди. Без драк, похищений, и закатывания живых людей в бетон.

– Понятно. – Подстегнутая воспоминаниями боль в глазах Сергея поднялась к самой поверхности, и он надолго замолчал, комкая в руках какую-то газету.

– Черт! – воскликнула я, углядев в окне прощально подмигнувшие красные габариты отъезжающего автобуса. – Придется теперь на электричку бежать!

– Куда тебе? – Сергей встряхнулся, и извлек из кармана мобильник.

– На Ярославский вокзал.

– Сейчас такси вызову.

– Нет, уж! – Я снова замотала головой. – В связи с непредвиденными расходами на гостеприимной английской земле в данный момент нахожусь в режиме жесткой экономии.

– А причем тут ты? – удивился секретарь Сережа. – По моему скромному мнению, одну лишнюю поездку на такси шефов кошелек выдержит.

– Даже не вздумай! – Вскипел во мне праведный гнев. – Ни копейки не возьму из Челноковского кармана! Не устроюсь я к вам на работу, спала бы сейчас спокойно, а не вскакивала посреди ночи, распугивая криками соседей!

– Не устроюсь ты к нам на работу, Эля была бы мертва. – Покачал головой Хамисов.

И мне стало стыдно. Так стыдно, что, забросив сумку через плечо, я ринулась сквозь предполетную сутолоку, невежливо распахивая сограждан, оказавшихся на моем пути. Бегу. Я опять бегу. И даже с моим высшим психологическим образованием ясно, что не от расте-

рявшего Сережи Хамисова – от себя. Мама дорогая, да остановлюсь ли я когда-нибудь?! Остановилась. Хотя и не без посторонней помощи. От выхода на платформу с вожделенной электричкой меня отделяли какие-то два десятка метров, когда один из пассажиров не удосужился убраться с дороги. От соприкосновения моего лба с его широкой и твердой как доска грудью раздался пугающий треск, сопровождавшийся радостным «Вах!» Не успела я поднять глаза, чтобы во всех подробностях рассмотреть неожиданно возникшее препятствие, как была облаплена здоровенными мужскими ручищами.

– Ника!

Меня подбросило в воздух. Высоко. Прежде чем вновь оказаться в объятьях гориллоподобного субъекта, я успела-таки разглядеть его, и немного успокоиться. Но дальнейшее поведение Гарика Аветисяна – главы западного отделения Ассоциации телохранителей, а по совместительству моего друга и наставника, показало, что успокоилась я напрасно.

– Тебя мне бог послал! – заявил Гарик, опуская меня на пол и подозрительно оглядывая со всех сторон, явно подозревая в таинственных связях со Всевышним. – Нет, ты что с собой сделала? На тебя же без слез взглянуть нельзя! Кожа да кости. Какой из тебя теперь к черту телохранитель? Ах ты...

– Здравствуй, Гарик, – мне наконец-то удалось вставить слово в поток крепких армянских выражений, изливавшихся из уст наставника.

– Здравствуй-здравствуй, – проворчал он, с трудом вспоминая о вежливости. – Значит так. У меня срочный контракт. Завтра я уже должен приступить к работе, а сукин сын Алик мне такую свинью подложил...

– Какую? – Кажется, лучшему телохранителю Европейской части России удалось меня заинтересовать. Интересно, что за свинью подложил товарищу Аветисяну правильный и дисциплинированный Алик?

– Женился.

– Женился? Алик? Врешь!

– Мамой клянусь, – вздохнул Гарик, оттаскивая меня в сторонку и насильно впихивая в свободное кресло. – Женился, и сегодня укатил в медовый месяц. Чтоб у него весь мед забродил! Я не могу сорвать из-за него контракт. Это, вроде как, мое личное дело. Короче, слушай...

– Э-э-э! – возмутилась я, сообразив, куда именно клонит хитрый Гарик. – Я в завязке. Все. С телохранительством покончено раз и навсегда. Домой еду. Буду жить, как все нормальные люди, и...

Не успела я закончить, как за моей спиной раздался громкий хлопок выстрела. И прежде чем мозг сумел проанализировать ситуацию, тело уже разворачивалось лицом к опасности. А рука автоматически метнулась к подмышке, где полагалось висеть кобуре с верным газовиком. Никакого пистолета у меня, разумеется, не было – отобрали в Англии. Но об этом я вспомнила только, когда разглядела сконфуженного мальчишку лет шести, оглушительного хлопнувшего надутый бумажный пакет.

– Отличная реакция! – Потрепал меня по плечу донельзя довольный наставник. – На глазах, можно сказать, растешь. Эй, эй, Ника! Успокойся. Дыши глубже. Так, с тобой все ясно, дорогуша, – пороху понюхала. Я сказал – глубже дыши. Молодец.

– Прости, Гарик, – покаянным тоном пробормотала я. – Нервы ни к черту. Теперь ты понимаешь, что я не придуриваюсь. Достало меня уже все это. Домой хочу. Можешь провалиться сквозь землю со своим контрактом.

– Не могу. Я же сказал уже – это мое личное дело.

– Вот сам свое личное дело и выполняй.

– Но я уже подписал другой контракт, – терпеливо, как маленькой девочке, начал втолковывать мне Гарик. – Я же говорю: мне тебя Бог послал. А тебе он послал этот контракт. Может, все-таки выслушаешь?..

– А-а. – Я безнадежно махнула рукой, то ли отмахиваясь от настырного наставника, то ли прощаясь с отъезжающей электричкой. – Рассказывай. Все равно уже опоздала...

– Давно бы так. – Аветисян уселся на корточках рядом с креслом, так что глаза наши оказались на одном уровне и начал рассказывать.

Сначала мне показалось, что все донельзя просто. Один из многочисленных друзей Гарика, неведомо каким ветром унесенных на солнечную Кубу, попросил организовать охрану молодого кубинца, прибывающего в Россию по своим кубинским делам. Я даже не сразу поняла, почему товарищ Аветисян так разнервничался. Не в первый раз члены нашей Ассоциации брали под опеку иностранцев. Было бы из-за чего огород городить! Но огород городить, как выяснилось, стоило.

– Кроме Алика я только тебе могу это дело поручить. – Карие глаза наставника весело прищурились. – Сам даже не возьмусь. Не мой профиль. Это у вас высшее психологическое образование, знание английского и безобидная внешность – вам и карты в руки. То есть тебе. А Алику я за это кидалово такую веселую жизнь устрою!..

– Погоди-погоди. – Нахмурилась я в ответ. – Причем тут знание английского и безобидная внешность?

– Во-первых, этот парень прекрасно говорит по-английски. А во-вторых, он не должен догадаться кто ты такая на самом деле. Удивлена? Я тоже сначала удивился. Но мне доходчиво объяснили, что охрану заказывает не парнишка, а... ну, не то, чтобы органы кубинские, но тоже очень и очень влиятельные товарищи. Говорят, он – их национальное достояние. Ему за работы по математике Нобелевская премия светит. Вот. И это – в двадцать шесть лет. Само дарование летит сюда по личным делам и никого вмешивать не хочет. И ни о какой охране слышать не желает. Короче, он не должен догадаться, что его охраняют. Так что представишься гидом, которого наняли для него друзья-товарищи. С этим он, пожалуй, еще может смириться...

– А если нет?

– А если нет, придется тебе попотеть, Ника. Понимаю, это сложно и необычно. Но контракт подписан, деньги уплачены и...

Гарик вытащил из кармана смятую пачку евро и, несмотря на мое отчаянное сопротивление, сунул их мне в карман.

– Выручай, Ника! – Он отбросил начальственный тон, и крепко обхватил мои колени. – С меня ящик красного. Того самого, помнишь? Ты все так же – красное пьешь?

– Я теперь все пью... – Обреченность в моем голосе немного смутила Гарика. – Только ради тебя. Слышишь?

И кончай так неприлично ухмыляться – люди смотрят. Может, оно и к лучшему. Говорят, работа – отличное лекарство от... Жаль только, домой теперь нескоро попаду. Хорошо хоть не предупредила никого, что возвращаюсь...

– В том то и дело, что возвращаешься! – Аветисянская улыбка стала еще шире. – Представляешь, этот кубинец из Москвы сразу летит в твой родной город. Вот тебе и козырь – гид, который знает пункт назначения как свои пять пальцев. Теперь он от тебя не отвертится.

– Он летит в Y***? – не поверила я. – Какого черта он там забыл?

– Понятия не имею. – Гарик уже подсовывал мне на подпись бланк контракта.

Интересно, а зачем он его с собой прихватил? Он ведь не знал, что встретит меня в аэропорту? Машинально черкнув ручкой на двух листах, я уже собиралась спросить его об этом, но тут объявили о прибытии рейса из Гаваны, и Гарик потащил меня к выходу номер тринадцать. Мое любимое число. И даже в чем-то счастливое. Интересно, что принесет мне этот неожиданный поворот судьбы? Должна же моя черная полоса, наконец, закончиться! Сколько там этому кубинскому гению?.. Двадцать шесть? Столько же, сколько и Павлу Челнокову... Может, мне

и в самом деле стоит переключиться с опытных дяденек на молодых мальчиков? Ведь скоро Рождество, и какие только чудеса не приключаются на свете по Его промыслу...

Я нетерпеливо притоптывала у выхода, размахивая зажатой в руках табличкой, на которой крупными латинскими буквами было выедено красным маркером: «Хуан Солано». Ладно, посмотрим, что там за Хуан такой выискался... И как это Гарик так ловко меня вокруг пальца обвел? Я ведь не собиралась соглашаться, и тем более что-то подписывать... Не иначе, коварный Аветисян воспользовался своими познаниями в нейролингвистическом программировании. Или я просто раскисла после всего, что успело свалиться мне на голову за последние полгода?

Пока я предавалась самобичеванию, из ворот повалила шумная кубинская толпа, в которой выделялись несколько угрюмых соотечественников, явно не желавших возвращаться в русскую зиму. Интересно, какой он? Мой взгляд выхватывал из людского потока, тащившего сумки и катившего чемоданы, молодые мужские лица. Может быть, этот? С бровями, хмуро сросшимися над глазами-маслинами... Или этот живчик, с выющимися длинными локонами? Или вот этот...

Люди текли мимо меня, а товарищ Хуан все не объявлялся. Рука, сжимавшая проклятую табличку, давным-давно затекла и потеряла чувствительность, а поток пассажиров значительно обмелел. Неужели Гарик что-то напутал, или мой подопечный просто раздумал заводить дружбу с сибирскими морозами, и остался на теплой Кубе? Что мне теперь делать? Ждать следующего рейса из Гаваны? Ну, Гарик, ну гад! Какую грандиозную свинью ты мне подложил! Теперь ящиком красного не отделаешься. Только двумя!

Вот и последний пассажир – симпатичный блондинистый соотечественник в дорогом кожаном плаще прошел мимо, скользнув по моей согнувшейся фигуре обжигающим взглядом холодных голубых глаз. Нет-нет я не ошиблась. Все было именно так. Холодные голубые глаза, и обжигающий взгляд. Ведь лед тоже иногда способен обжечь. С надеждой уставившись на выход «номер 13» в ожидании чуда по имени Хуан, я продолжала спиной ощущать на себе этот пристальный взгляд. Целых три минуты ощущала. А потом, убедившись, что мой подопечный уже не появится из освещенного люминесцентными лампами коридора, выдала замысловатое английское ругательство, очень подходящее к этому случаю. Смысл крепкого выражения сводился к тому, что Всевышний мне однозначно задолжал. Причем, по-крупному.

И, словно в ответ на мое богохульство, за спиной раздался приятный мужской голос, говоривший на языке Шекспира:

– Вы ищите Хуана Солано? Можно поинтересоваться, зачем?

Развернувшись со стремительностью кобры, я снова наткнулась на ледяной взгляд голубых глаз. Не может быть!

– Э-э-э... – только и смогла выдать я, прежде чем кубинский блондин представился уже по всей форме.

– Я – Хуан Солано. Теперь вы скажете, что вам от меня нужно?

– Мне нужно вас сопровождать, – промямлила я, совершенно выбитая из колеи его совершенно некубинским видом. – Я – ваш гид. По просьбе ваших друзей я буду сопровождать вас в Y***, и обеспечивать там вашу бе... вашу культурную программу.

– Мне не нужен гид! – Ледяной взгляд снова стал обжигающим. И я окончательно убедилась, что под прикрытием европейской внешности в душе моего подопечного кипят настоящие латиноамериканские страсти. – Я приехал сюда по личным делам, и никому не позволю совать с них свой нос. Даже такой симпатичный, как ваш. Можете быть свободны от своих обязательств. А с теми, кто вас нанял, я поговорю позже.

– Послушайте, сеньор Солано...

Но он не стал слушать, и быстро пошел прочь, легко лавируя в аэровокзальной толчее. Ужас накатил на меня дурманящей сознание волной. «Объект уходит!» – была единственная

членораздельная мысль, на которую оказалась способна моя голова. Мало того, что каждый раз в свой первый рабочий день я дрожу от страха, словно овечий хвост, так мой подопечный еще и сбежать от меня собрался! Не пройдет!

Я кинулась следом за быстро удаляющимся «объектом», размахивая табличкой, словно боевым стягом, и даже не заметила, как задела ею нагруженную баулами женщину. Пока задетая орала как потерпевшая, пока я сумела вырваться из ее жаждущих возмездия рук, Хуан успел затеряться в бурном людском море. Проклиная все на свете, я рванула к сектору выдачи багажа в надежде перехватить там моего строптивого подопечного, но все было напрасно. Мама дорогая, что же я Гарику скажу? Он же меня в рабство продаст, за невыполнение условий контракта! Убедившись, что Хуана среди получающих багаж пассажиров нет, я рванула на стоянку такси со всей доступной моим десятисантиметровым «шпилькам» скоростью. И, конечно же, опоздала. Сквозь завесу снегопада, подсвеченную мощными фонарями, мне удалось вдалеке разглядеть кубинца, распахивающего дверь черношашечной машины.

– Эй! – Замахала я руками, бросаясь под проезжающее мимо «такси». И, втиснувшись на сидение, опередила готовый излиться на меня гнев водителя: – Вон за той машиной, шеф. За триста четвертой. Плачу вдвойне.

Вслушиваясь в монотонное ворчание водителя, которому на самом деле жутко хотелось выяснить, за кем следит его странноватая пассажирка, я ерзала на переднем сидении, рискуя провертеть его насквозь. Как же ты мне дорог, Хуан Солано! Дорог и ты, гад-Гарик, втравивший меня в очередную историю. Чтоб у тебя в карманах было так же пусто, как на этом обледелом шоссе! Однако шоссе оказалось не таким уж пустынным. Свет фар идущего впереди такси выхватил на обочине одинокую женскую фигуру в белом полуплукке, и модных сапогах выше колен. Алыми пятнами вспыхнули стоп-сигналы и, повинувшись плавному взмаху женской руки, такси Хуана начало экстренное торможение.

Тут же в моей голове возникла кошмарная картина: девица вместе с водителем вытаскивает моего подопечного из машины и, стукнув по затылку монтировкой, обирают до нитки. Пришлось энергично потрясти головой, чтобы отогнать от себя это видение. Скомандовав своему таксисту «Стоп машина!», я прямо на ходу выскочила из такси. И, совершив несколько гигантских скачков, – прощайте, новые «шпильки», ухватила за воротник уже сунувшуюся в машину девицу.

– Это такси занято! И попутчиков не берет! – рыкнула я. И, опровергая собственные слова, сама полезла на заднее сидение.

– Но... – растерялась девушка, потрясенно хлопая двухсантиметровыми ресницами.

– Никаких «но», – заявила я всем сразу, включая потерявшего дар речи водителя и внимательно прищурившегося Хуана. – В этом такси вы не поедете. Если хотите – садитесь в мое. Трогай шеф. Клиент опаздывает.

Я с такой силой хлопнула дверцей машины, что стекла жалобно звякнули; и, как ни в чем не бывало, повторила:

– Поехали-поехали, сеньор Солано торопится.

– Выкинуть ее? – Пришедший в себя таксист выжидательно посмотрел на моего подопечного, и повел для разминки плечами.

Пока я раздумывала, стоит ли переводить Хуану это не слишком устраивающее меня предложение, голубоглазый кубинец уже отвечал на чистом русском языке:

– Все в порядке. Она со мной. Поехали.

Окатив меня с головы до ног ненавидящим взглядом, водитель ударил по газам, и мы понеслись прочь от опешившей девицы, медленно пятившейся к моему такси.

– Вам не кажется, что это переходит всякие границы? – поинтересовался кубинец, переходя на английский, чтобы не понял водитель. – Вы врываетесь ко мне в машину, ведете себя

как черт знает кто... Выкидываете совершенно незнакомую женщину... Может, у вас есть объяснение этим фактам?..

– У меня есть объяснение. – Я решила не снижать напора, продолжая играть роль безбашенной нахалки. – Во-первых, подбирать попутчиков и попутчиц на российских дорогах не рекомендуется. Особенно тем, кто едет из аэропорта. Особенно, в дорогах кожаных плащах.

– Почему?

– Потому что запросто можно не доехать... А вдруг рядом с этой девицей в засаде взвод гопников сидел?

– Кто сидел? – не понял Хуан, потому что слово «гопники» я произнесла по-русски.

– Гопники – это такие твари, которые оберут вас как липку, и слава Богу, если не убьют, – ответила я, окончательно переходя на родной язык. Пусть водила тоже послушает. Ишь ты, как в зеркало на меня косится. Будто с потрохами съест готов. Ничего, переморщишься. Будешь знать, как подбирать неизвестно кого...

– В конце концов, я – ваш гид. И мне приятнее заработать на вас деньги, чем тратиться на ваши похороны.

– Гид, говорите? – усмехнулся Хуан, и в голубых озерах плеснули игривые чертики. – Тогда расскажите мне немного о своей стране. О Москве... О Y***...

Поперхнувшись невысказанными доказательствами своей правоты, я начала что-то бормотать, лихорадочно припоминая все, что учила в институте. Хуан слушал внимательно, попыток выкинуть меня из машины не делал, и пристально рассматривал заснеженные пейзажи дикой России. Постепенно я успокоилась, и речь моя стала более связной. Даже водитель несколько раз восхищенно цокнул языком в особо душещипательных местах, выдаваемой мной «на гора» российской истории.

* * *

– Уехали. – Девушка в белом полушубке стояла рядом с поджидающим ее такси, прижимая к уху холодящий кожу мобильник. – Нет, не так просто уехали... Тут одна сумасшедшая корова меня прямо из машины вытащила, а сама села. Нет, я ничего не могла сделать. Водитель? Спросите у него сами. Вы же с ним договаривались... А мне плевать! Я что, здесь забесплатно два часа мерзла? Это уже ваши проблемы! Нет. Н-нет. Д-да. Да, я поняла. Вы правы – жизнь дороже. До свидания.

* * *

– Прекрасная лекция, – улыбнулся кубинец, когда я остановилась перевести дух. Мама дорогая, вот это красавчик! А когда улыбается – почти неотразим. Кого-то он мне напоминает... Наверное, кого-то из голливудских звезд. Девочек, небось, табунами портит у себя на Кубе.

Улыбнется – и все бабы его. Только не на ту ты напал, сеньор Солано... То есть, товарищ Солано с солнечного острова Свободы. Ни на что кроме обеспечения безопасности и познавательных экскурсий тебе рассчитывать не придется!

Но кубинец, похоже, не рассчитывал даже на это. Потому что, едва мы выбрались из такси перед внушительным терминалом аэропорта Домодедово, он однозначно заявил:

– Спасибо за прекрасную экскурсию. Считайте, что вы свои обязанности гида выполнили на все сто процентов. Я освобождаю вас от дальнейшей работы. Можете возвращаться домой. Дальше я поеду один.

– Но...

Он не стал слушать, и, вытащив из багажника небольшой чемодан, неторопливо направился к аэровокзалу. Не собираясь отставать, я схватила свою сумку, и кинулась следом. Но меня ухватил за рукав злой, как ехидна, водитель.

– А деньги, дамочка? – прошипел он, разворачивая меня к себе.

– Он же вам заплатил! – возмутилась я такой наглостью. – Я сама видела!

– С иностранцев двойной тариф, – ухмыльнулся хапуга, вызвав во мне жгучее желание сломать руку, мешающую последовать за «охраняемым объектом». Но поблизости проходил наряд. Так что мне показалось меньшим злом швырнуть в него очередной сотней «евро», чем писать объяснения в опорном пункте.

Вырвавшись из лап обнаглевшего таксиста, я бросилась к освещенным дверям, и едва не заорала от обиды. След моего подопечного давно простыл на холодном декабрьском ветру. Пожелав Хуану Солано испытать на себе все кары небесные, я метнулась в одну сторону, в другую; а потом взяла себя в руки, и пошла наугад, прислушиваясь к женской интуиции, обостренной каплей цыганской крови и жгучим желанием надрать кое-кому задницу.

* * *

Надрать кое-кому задницу страстно желал и водитель такси, получивший с черноволосой нахалки лишнюю сотню «евро». Отъехав от стоянки, он поднес к уху сотовый телефон и, еле сдерживая злость, вырывавшуюся вместе с паром от дыхания, бросил в трубку:

– Это я. Да. Да, форс-мажорные обстоятельства! Какая-то сумасшедшая телка завалилась ко мне в такси и... А вы уже знаете... Нет, я ничего не мог сделать. Да. Я так понял, что они знакомы. Он сказал, что она с ним. Что? Почему это не заплатите?! Мы так не договаривались! Послушайте...

Но собеседник таксиста, удобно развалившийся в кресле просторного гостиничного номера, не стал слушать, а, в свою очередь, набрал номер. И, дождавшись ответа, сообщил:

– Сорвалось, босс. Придется все делать на месте. Да, он летит к вам сегодня. Через... – Мужчина посмотрел на часы, и что-то прикинул в уме. – Через девять часов встречайте. Надеюсь, задержки не будет...

* * *

Женская интуиция немного потаскала меня по аэропорту, и вывела под бугрящееся тучами ночное небо. Вот он! Стоит себе преспокойненько в сторонке, и мило беседует с двумя вполне презентабельными мужчинами. Только бумажник почему-то держит в руках...

– Хуан! – закричала я на все Домодедово. Он обернулся и потому не увидел, с какой поспешностью двое мужчин растворились в толкающейся сумками толпе.

– Что случилось, сеньор Солано? Что вы здесь потеряли? – Мой запыхавшийся голос вряд ли можно было назвать благозвучным.

– Не потерял, а нашел! – досадливо буркнул кубинец, не ожидавший моего внезапного появления. – Шел, и нашел чей-то бумажник. Только поднял его, даже открыть не успел, подбегает какой-то мужчина, и говорит: давай посмотрим сколько там денег, а потом поделим поровну...

Он еще говорил, а у меня уже свернулся под ложечкой противный ледяной комок. Я все-таки опоздала.

– А потом подошел еще один мужчина и сказал, что это его бумажник. Я, конечно, сразу его вернул, а он пересчитал деньги и заявил, что их было больше. Что я вор... – Хуана аж скрутило от воспоминания о таком оскорблении. – Тогда тот, кто предлагал деньги поделить, вытащил свой кошелек и показал его второму мужчине. Мужчина посмотрел и сказал, что

помнит номера купюр, и что в кошельке их нет. Тогда я тоже достал бумажник, и показал свои деньги. Да там у меня и рублей-то почти нет. Мужчина посмотрел, и сказал, что в моем бумажнике его денег тоже нет. Потом он долго извинялся, и благодарил нас за честность. А потом вы закричали, и они ушли.

– Пожалуйста, – безжизненным голосом попросила я, – откройте свой бумажник...

Он недоуменно взглянул на мое застывшее лицо, и без лишних слов повиновался... И сам застыл, как ледяная фигура. Потом выругался по-испански, вложив в короткую фразу весь неукротимый южный темперамент, и надолго замолчал, терзая кожаные складки бумажника.

– Это были гопники? – полуутвердительно спросил Хуан, вновь обретая дар речи.

– Не гопники. Кидалы, – вздохнула я. – Что пропало?

– Все. Деньги, паспорт, виза, билет... Как вас зовут?

– Что? – опешила я. Но вспомнив, что так и не представилась своему подопечному, пробормотала: – Меня зовут Ника.

– Что теперь делать, Ника? Вы же мой гид. Вы должны знать.

– Что-что... В милицию идти! Сдаваться...

Хуан задумался, рассеяно вслушиваясь в мои чертыхания, и неожиданно заявил:

– Нет. Я не пойду в милицию. У меня срочное, очень срочное дело в Y***. А без паспорта меня не выпустят из Москвы. Должен быть другой путь, Ника!

– Должен, – согласно кивнула я. – Но он вам не понравится.

* * *

Этот путь не понравился и мне. Вместо двух суток мы добирались почти четверо. То ли дальнобойщик нынче пошел пуганый, опасаящийся подвозить странную парочку, подпрыгивающую на обочине в тщетных попытках согреться, то ли мне просто не везло, как и вообще в последнее время. Так что, когда впереди замаячили господствующие над родным городом трубы известного на всю страну комбината, я едва удержала скопившуюся на ресницах влагу.

Дома... Неужели я дома? И можно никуда не бежать от самой себя, потому что все долги оплачены, и счета закрыты? То есть, конечно, не все. Кое-что на черный день у меня отложено. Но эти деньги – на самый крайний случай, очень уж недешево они мне достались.

– Блин горелый! – воскликнул Хуан, подпрыгнув на очередной колдобине, и приложившись головой о боковое стекло. За эти несколько суток, вымотавших нас не хуже бобины на прядильной фабрике, мой подопечный значительно продвинулся в изучении ненормативной лексики, подцепленной у водителей фур, а также освоил несколько моих любимых выражений.

– Какого нафига здесь раздолбали долбаный асфальт? – осведомился он, потирая ушибленное место.

– Как по трассе идем – все о'кей, как в город въезжаем, начинается задолбание!

– Рассея... А у вас на Кубе, небось, вообще асфальта нет. Один тростник сахарный, – пробормотал обидевшийся за державу водитель. – Вам куда?

– Пушкина тридцать четыре, – ответил Хуан. И, несмотря на духоту кабины, меня окутало тревожной ледяной волной. Этого не может быть. Это какое-то ненормальное совпадение. Это...

– Не-е, туда не довезу, – замотал головой водитель. – Нас теперь в центр не пускают. До Комсомольской доброшу, а дальше вы сами...

Ну, сами, так сами. Всего полчаса понадобилось нам с Хуаном, чтобы короткими перебежками от магазина к магазину добежать до нужного дома. И хоть кожаный плащ был обменен на вполне приличный китайский пуховик (Хуан наотрез отказался брать мои деньги), блондину-кубинцу приходилось несладко. Точнее, не тепло. Я даже испугалась, что кастаньетная дробь его зубов поставит крест на мирном сне всех жильцов окрестных строений.

Стоя в кафе напротив дома номер тридцать четыре я поняла, что оттягивать разговор уже не имеет смысла. Сейчас все станет ясно. Нужно только...

– Подождите меня здесь. – Хуан смотрел на серую пятиэтажку как на форт, который придется брать штурмом. – Я очень благодарен вам за помощь. Но в личные дела я не собираюсь посвящать никого. Даже своего гида.

– Хуан Солано. – Мой изменившийся голос заставил кубинца насторожиться. Не знаю, чего он ожидал, но только не того, что за этим последовало. – Как тебя по отчеству?

– Что? – переспросил Хуан. – Зачем тебе, Ника?

Он был настолько сбит с толку, что даже не заметил, как просто мы перешли на «ты».

– Какое у тебя отчество? – с нажимом повторила я, втайне надеясь, что сейчас он произнесет что-то вроде «Мануэль-Антонио-Мария-Анна-Эстебаль».

– Это не твое дело, – отчеканил мой подопечный, навывлет прошив меня своим ледяным взглядом. И я наконец-то поняла, на кого он похож.

– Не хочешь говорить? – Один Бог знает, чего стоило мне сохранять видимость спокойствия. – И не надо. Я скажу тебе свое. А то все Ника, да Ника... Как собачонку зовешь, честное слово. А у меня очень красивое отчество. И фамилия под стать... Разрешите представиться – Ника Валерьевна Евсеева. Удивлены, сеньор Хуан Солано? Или в России вас все-таки лучше называть: Иван Валерьевич Евсеев?

Он что-то пробормотал по-испански, но мне не понадобился переводчик, чтобы его понять.

– Этого не может быть, – сказал мой брат Хуан, глядя в пустоту голубыми отцовскими глазами. – Этого не может быть.

Глава вторая

Наша семейная сага вполне годится для нескончаемой латиноамериканской мелодрамы. И я бы с интересом почитывала ее на ночь, если бы речь шла о ком-то другом. Все началось с того, что в один из поздних глухих вечеров, когда за окном так же сыпал неумный декабрьский снег, в дверь нашей квартиры постучала почтальонша. Мне тогда было что-то около пяти, но я прекрасно помню выражение жалости и любопытства на ее исхлестанном метелью лице. Наверное, мама, что-то почувствовала – все-таки цыганской крови в ней было больше, чем во мне. Она не стала читать косо наляпанные на бланк слова в присутствии пожиравшей ее глазами женщины, и, расписавшись в квитанции, вежливо но настойчиво выпроводила ту за дверь. Потом прижала телеграмму к груди, прошла на кухню, пестревшую недавно поклеенными обоями и, опустившись на стул, резким движением перевернула серый листок. Ничего не понимая, я подлезла под материнскую руку, стараясь прочесть уже знакомые, но еще непривычные буквы, и впервые в жизни услышала, как мама плачет.

Все оказалось просто и сложно одновременно. Просто потому, что мой отец, как и сотни тысяч других мужчин, бросил свою жену и дочку, о чем и уведомил нас с помощью телеграфа. А сложно... Тогда это было сложно. Потому что разлучница оказалась не просто аспиранткой университетской кафедры, которую он возглавлял, а в придачу еще и знойной мулаткой с воспетого многими нашими поэтами «острова свободы». Короче говоря, с Кубы. Причем тут Куба? А притом что мой отец, – Валерий Павлович Евсеев, молодой, но уже известный в узких научных кругах биолог, был приглашен на место заведующего кафедрой биологии в гаванском университете. Наверное, мама еще тогда почувствовала, что добром все это не кончится. Она даже попыталась симулировать болезнь сердца, чтобы сорвать отцу командировку, но обмануть моего медицински подкованного папу было сложнее, чем покорить Эверест. Он уехал, а через год известил телеграммой о том, что у него родился сын, и он не сможет к нам вернуться. Никогда.

Вот так и появился у меня брат – Хуан Валерьевич Евсеев, к которому я с раннего детства испытывала отнюдь не сестринские чувства.

Папино «никогда» продлилось почти двадцать лет. На этот раз телеграммы не было. Он просто появился на пороге нашей квартиры, поседевший, но все еще удивительно привлекательный. В свои двадцать четыре я уже могла это оценить. «Прости, – сказал он маме, обессилено прислонившейся к стене в прихожей. – Я больше не могу без тебя».

Она приняла его. А я – нет. Просто не успела; потому что, сорванная с места ветром судьбы, покатила неприкаянным перекасти-полем по просторам нашей необъятной Родины. Так мы и остались друг для друга чужими.

И вот теперь мой брат стоит в двух шагах, и смотрит на меня, как на ожившее привидение.
– Давай выпьем.

Услышав такое предложение из уст кубинца, я сразу поняла, что такое родная кровь. Уже целых три минуты меня преследовало желание пойти, и надраться.

– Мне виски, – машинально ответила я, продвигаясь к стойке бара на подкашивающихся ногах.

– Пусть будет виски, – отозвался Хуан, делая знак бармену. – Ты знаешь, что вероятность нашей встречи во Внуково равна одной тысячной процента?

– Только без математики! У меня на нее аллергия, – пробормотала я. И, вцепившись в рюмку, как в шпору на экзамене, предложила: – Ну, тогда за знакомство!

Мы выпили, немного помолчали. Потом еще помолчали. А когда молчание сделалось невыносимым, я решила его прервать:

– Что случилось, Хуан? Почему ты прилетел? Через столько лет...

– Получил электронную почту от отца. Он очень просил меня приехать.

– Но почему?

– Прости, я думал, ты знаешь... Он при смерти, Ника.

Мгновенье назад мне казалось, что после нашей неожиданной встречи уже ничто не может выбить меня из колеи. И вот теперь, безжалостно выбитая из нее, я пыталась осознать принесенное Хуаном известие. Папа при смерти. Я бесконечно крутила в голове эту фразу, и все никак не могла связать ее с реальностью. А еще было чуточку стыдно, потому что ни один эмоциональный всплеск не потревожил гладь моей души. Ведь человек, которого я называю папой лишь по привычке, оставался для меня таинственной «черной дырой». За последние семь лет мы виделись всего дважды, когда я позволяла себе роскошь двухнедельного отпуска на малой родине. Поэтому нет ничего удивительного в том, что единственным чувством, на которое я оказалась способна, было недоумение. Почему? Почему мама мне не сообщила? Ведь мы регулярно перебрасывались письмами по «электронке». По целому письму в месяц! Правда, в последние два месяца они походили скорее на телеграммы...

– Я пытался дозвониться... – Хуан прикурил от китайской одноразовой зажигалки, и глубоко затянулся. – Но там отвечают, что было какое-то переоборудование, и номер телефона изменился.

– Знаю. Сама недавно звонила.

– Теперь ты понимаешь, почему я спешил?

– Да. Только давай посидим еще немного. Мне нужно... прийти в себя.

– Посидим, – кивнул Хуан, вдавливая в пепельницу давно погасший окурок. – Мне тоже не помешает сосредоточиться.

После часового сосредоточения, когда официант уже устал нам подливать, мы покинули кафе и, перейдя пустынную улицу, вошли в подъезд. Я была на взводе, Хуан был на взводе. Мы поднимались почти на цыпочках, боясь вспугнуть странное томление, поселившееся в наших родственных душах. Но его вспугнули за нас. С площадки третьего этажа донесся настойчивый, и даже вызывающий стук. Сердце забилося в такт частым требовательным ударами. Да что это со мной! Ведь это могут стучать совсем не в нашу квартиру! Ну и что, что она тоже на третьем эта...

Скрип открываемой двери застал нас с Хуаном на втором лестничном марше.

– Квартира Евсеевых? – разгоняя эхо по подъезду, осведомился сильный мужской голос, слегка присоленный хрипотцой.

Господи, неужели?... Но ведь это уже ни в какие ворота не лезет! Тут вероятность не одна тысячная, а одна триллионная. Я застыла в нелепой позе, с поднятой для преодоления очередной ступеньки ногой. Притормозивший рядом Хуан вопросительно заглянул мне в лицо, и ухватил за руку, помогая восстановить потерянное равновесие.

Он явно ждал объяснений, но я могла только приложить палец к губам, и потянуть его к выходу, ни под каким соусом не собираясь попадаться на глаза человеку, чей голос заставил сердце пропустить несколько положенных ударов. Однако пронзительное женское сопрано, грянувшее наверху, вынудило меня круто изменить маршрут, и со всех ног броситься туда.

– Нет здесь таких! Уже месяц, как мы эту квартиру купили! Если еще сунетесь со своими общественными протестами – милицию вызову!

– А где мне их найти? – В знакомом голосе послышалась несвойственная ему растерянность.

– Не знаю! – Женщина явно не собиралась продолжать разговор, о чем известила захлопнувшаяся перед моим носом дверь.

Не успела я отдышаться, и снова забарабанить по обтянутой дерматином поверхности, как была крепко схвачена за плечи, и развернута на 180 градусов.

– Черт бы тебя побрал, Ника! – В зеленых волчьих глазах Павла Челнокова вспыхивали злые огоньки. – Что ты натворила?! Где Эля?!!

– Эля? – Я уже совершенно ничего не понимала. – Понятия не имею!

– То есть как, не имеешь? – Старший сын миллионера Челнокова приподнял меня на локоть от пола, и чувствительно встряхнул, надеясь таким образом прояснить ситуацию. Я не сопротивлялась. В конце концов, человек, бросивший себя под пули, предназначенные мне, имеет право на некоторые вольности. Но взбегающий по лестнице Хуан был совершенно иного мнения.

– Отпусти ее, ты...! – и тут мой латиноамериканский братец вернул полюбившееся ему выражение одного из дальнбойщиков.

Я ожидала что Павел взорвется, и приготовилась защищать братишку от бывшего омонивца, временами съезжающего с катушек. Напрасно беспокоилась! Павел осторожно поставил меня на пол и, игнорируя приблизившегося почти вплотную Хуана, осведомился:

– Это кто?

– Хуан, – пояснила я, переводя дыхание, и семафоря кубинцу левой рукой: «Молчи, несчастный!» Мой хороший, очень хороший друг. Кубинец.

– Поня-а-атно... – протянул Павел, и уже спокойнее повторил: – Где Эля, Ника? Батя чуть с ума не сошел, когда она опять пропала. Хорошо еще Серега, которому я точно голову оторву вместе с длинным языком, признался, что видел тебя в аэропорту. И даже додумался Эле твой привет передать.

– Ты хочешь сказать, что Эля поехала ко мне?! – Я даже голос потеряла от услышанного, хотя и зареклась удивляться, когда речь шла об Эле Челноковой – пятнадцатилетнем чудовище, к которому меня угораздило искренне привязаться.

– Ты хочешь сказать, что ее у тебя нет? – Повис в воздухе не требующий ответа вопрос.

Даже в скудном синеватом свете, царившем в подъезде, было видно, как бледность вползает на лицо Павла.

– Я только приехала. И вместе с тобой узнала, что теперь мой дом не здесь. Лучше скажи, когда Эля сбежала?.. И где она мой домашний адрес раздобыла?

– Сбежала три дня назад. – Павел снял шапку, и провел рукой по сильно отросшим волосам. – А адрес раздобыла в твоём досье. Ну, в том самом, помнишь?..

Я вспомнила. И сибирский холод показался сущей ерундой по сравнению с ледяным комком, образовавшимся внизу живота. Чертово досье! Если полгода назад оно едва не стоило мне жизни, то сейчас запросто могло лишить сна и покоя, которых не знать мне ни в светлый день, ни в темную ночь, пока не найду эту маленькую засранку!

– Вы рано волнуетесь, – неожиданно подал голос Хуан, сосредоточенно глядя в одну точку. – Сначала нам нужно узнать новый адрес родителей... Ники. Думаю, тогда многое станет ясно.

– С чего это ты решил, думающий наш? – Бывший омонивец наконец-то удостоил моего брата пристальным взглядом.

– Решил с помощью логики. – Спокойствию Хуана позавидовал бы и апостол, но я была уверена: он знал, что говорил. Уж в чем в чем, а в логике Хуан Евсеев был дока. Пуленепробиваемая уверенность, прозвучавшая в голосе кубинца, произвела впечатление даже на Челнокова.

– Ну, и где мы будем их искать? – не желал сдаваться Павел, когда-то подумывавший о карьере следователя.

– Вот именно – где? – пробормотала я в полном замешательстве.

– Будем искать в базе данных, – усмехнулся Хуан. И, глядя в наши озадаченные лица, спросил: – У тебя есть записная книжка, Ника?

Все гениальное действительно просто. В записной книжке у меня обнаружили адреса нескольких друзей семьи, которые вполне могли знать, куда были выселены мои родители. Именно адреса. Потому что с переходом на цифровые станции половина телефонных номеров в городе поменялась. Вот так мы оказались на заснеженной улице возле дома человека, не отвернувшегося от отца и после предания того анафеме за любовную эмиграцию. Леонид Всеволодович Михеев. Их дружба не заржавела даже тогда, когда отец стал главврачом в новейшем диагностическом центре, построенном специально для нашей местной элиты, а дядя Леня остался простым инфекционистом городской больницы. Последний раз мы виделись мельком два года назад, когда его привели к отцу какие-то общие медицинские дела.

И вот он передо мной. Располневший, облысевший, но с внимательным прищуром за толстыми стеклами очков.

– Простите, вам кого? – спрашивает Михеев, бросив неприязненный взгляд на нашу разношерстную компанию.

– Леонид Всеволодович, – улыбаюсь я смущенно, – вы меня не узнаете? Я – Ника. Ника Евсеева...

– Ника? – На лице дяди Лени мелькает что-то похожее на... стыд? – Господи! Да не стойте в дверях, заходите!

Мы зашли. Но, несмотря на обрушившееся гостеприимство дяди Лени и его совершенно очаровательной супруги, остались непреклонны.

– Мы с Хуаном четверо суток в дороге, какой там чай! – Отмахнулась я от поднесенной чашки. – Вы нам только адрес скажите, Леонид Всеволодович.

– Нет никакого адреса. – Михеев тяжело вздохнул, и у меня снова похолодело внутри.

– Разве так бывает? – прищурился Хуан.

– Вы на что намекаете? – поддержал его подозрительный Челноков.

– Я не намекаю. У этого барака нет адреса. И самого барака вообще как бы нет... – Дядя Леня еще раз вздохнул. – Диночка, позволь тебя покинуть. Я покажу молодым людям, где теперь живет Валера.

«Москвич» Михеева долго не желал заводиться, и простужено кашлял, окутывая нас синими угарными клубами. Наконец мы погрузились в рыже-оранжевое изделие Московского автозавода, и закружили по одноэтажным выселкам, оккупировавшим северную окраину города. И всю дорогу молчали. Дядя Леня, потому что сосредоточенно крутил баранку, то и дело шипя на вертевную вокруг машины поземку. Павел, трясущийся на заднем сидении, потому что рядом трясся Хуан. Хуан потому, что просто вырубился, измученный тяжелой дорогой. А я... Я ничего не могла поделать с собой, и с замиранием сердца поглядывала в зеркало заднего вида. Ты изменился, мой искusstель. Пожалуй, возмужал. Стал спокойнее. Однако фамильного упрямства не растратил. И теперь, когда ты меня нашел, одному Богу известно, чем все кончится.

Я с удивлением ощутила теплую волну, прокатившуюся по телу, едва волчьи глаза бывшего бой-френда скрестились в зеркале с моими. Мама дорогая, неужели опять начнется это сумасшествие?! А ведь я старательно, до мельчайшего пепла сожгла за собой все мосты, бросив его в реанимации – воскресать после двух пулевых попаданий. Господи, что же мне делать?

– Вылезай, приехали! – ответил на мой невысказанный вопрос дядя Леня, притормаживая у немилосердно скрипящего фонаря, скупо освещавшего занесенное до самых окон строение, лишь по особому Божьему попустительству претендующему на звание жилого. Это здесь.

– Здесь? – оторопело переспросил Хуан, протирая заспанные глаза. – В этой...

Он попытался подобрать русское слово, не сумел, и выразительно продолжил на испанском. Павел что-то буркнул насчет того, кому на Руси жить хорошо, и решительно полез из машины. Я уже обратила внимание на то, как он всякий раз собирался с духом прежде, чем выйти на открытое пространство. И как на этом пространстве его покачивало, словно изрядно

подгулявшего работягу. Но, если учесть, что всего полгода назад Павел Челноков вообще не мог покидать закрытых помещений из-за заработанной в Чечне агорафобии, то все это были семечки.

Мы вошли вслед за Михеевым в скрипучий от мороза и старости деревянный коридор и, преодолев четыре найденные на ощупь ступеньки, выстроились перед дверью.

– Кто там? – послышалось из-за нее в ответ на громкий стук Леонида Всеволодовича. В голосе отца, искаженном деревянной преградой, явственно слышалась напряженность.

– Открой, Валера. Это я, – поспешно сказал Михеев, и лязг открываемых засовов разбудил дремавшее в коридоре эхо.

– Ты чего это, на ночь глядя? – Отец, прикрывающий рукой трепещущую на сквозняке свечку, не сразу разглядел в полумраке, что старый друг топчется у порога не один.

– Здравствуй, папа, – негромко произнес Хуан, и свеча едва не погасла в дрогнувшей от неожиданности руке.

– Кто там, Валера? – Расплывчатый силуэт, подсвеченный второй свечой, вывернул из-за растворившегося в темноте угла. Мама. Господи, как давно я тебя не видела...

– Хуан? – Удивление в мамином голосе говорило о многом. Например, о том, что она, в отличие от меня, видела его фотографии; и о том, что папа ничего не сказал ей о скором приезде сына. А значит, и о своей болезни.

– Ника?! – Похоже, для отца я стала не меньшим сюрпризом, чем Хуан для мамы.

Но не только им пришлось удивляться в этот сумасшедший вечер.

– Ника!!! – радостный вопль, донесшийся из-за родительских спин, поразил нас с Павлом, как гром среди ясного неба. Сбежавшая из отчего дома Эля Челнокова протиснулась вперед, и уже хотела повиснуть у меня на шее, но, увидев брата, тихонько охнула и поспешно укрылась за мамой. Благо, худосочная Элина фигурка могла спокойно уместиться даже за шваброй.

Столпотворение в прихожей продолжалось минут пять. Эля все-таки набралась храбрости и, выскользнув из-за маминой спины, дорвалась до меня. Хуан смущенно переминался с ноги на ногу под пристальным маминым взглядом. А отец и дядя Леня обсуждали насущный вопрос электрификации отдельно взятого барака.

– И давно вы без света сидите? – поинтересовался Михеев, потирая лоб, расшибленный о незамеченную полку.

– Вчера обрезали, – хмыкнул отец.

Дядя Леня понимающе кивнул, а я непонимающе спросила:

– Кто обрезал? Почему?

– Долгая история, Ника, – вздохнул отец.

Мы сидели на кухне, и пили настоящий сибирский чай, благоухающий добрым десятком таежных трав. Жутко клонило в сон, и голова моя все ниже нависала над плечом Хуана, приводя сидящего напротив Челнокова в состояние тихого бешенства. За несколько минут толкотни в коридоре мне удалось предупредить родителей, дядю Леню и самого кубинца, чтобы при Павле никто не упоминал о нашем с Хуаном близком родстве. Надежда поскорее отделаться от человека, заставившего меня впервые за семь лет вспомнить, что в груди моей бьется нормальное женское сердце, а не кусок брони, крепла с каждой секундой.

– Допивай скорее, Элька, – буркнул старший брат, принявшийся уже за третью пол-литровую кружку. – И поедем в гостиницу. А утром – домой.

– Ну, Па-а-а-ша-а-а... Папки все равно дома нет. И все мои каникулы не будет. Можно я с Никой останусь? – заканючила Эля, входя в образ капризной пятилетней девчонки.

Теперь понятно, почему вредная тетка, проживающая в нашей бывшей квартире, объяснила Эле, где искать выселенных Евсеевых – не вынесла молящего взгляда этих невинных зеленых глаз. Но разжалобить Павла было куда труднее.

– Я сказал – нет! – отрезал он, на секунду становясь точной копией своего отца. – Завтра же мы едем домой.

– Молодой человек, – вмешался отец, вероятно, тоже попавший под Элины чары. – Поверьте, мы будем только рады, если эта милая барышня останется у нас. Я прекрасно понимаю, что вы привыкли совсем к другим жилищным условиям, но одну ночь она уже провела под нашей крышей, так что...

– Дело не в этом. – Павел одарил меня и Хуана испепеляющим взглядом. – Собирайся, Эля.

– О'кей, братишка, – закивала Эля, ставшая подозрительно покорной. – Только сначала выйдем на пять минут.

И прихватив свечу, она с видом заговорщицы увлекла Павла в одну из пустующих комнат. Не успели наши кружки показать дно, а отец с дядей Леней обсудить какие-то медицинские премудрости, как показавшийся в конце коридора огонек возвестил о том, что брат с сестрой возвращаются. На кухне сразу стало в два раза светлее – свет исходил от расплывшегося в блаженной улыбке Элиного лица. Надо же! Уломала-таки братца. Интересно, как она его...

– В этом доме пара метров провода найдется? – как ни в чем не бывало, поинтересовался Павел. – Не привык я как-то без телевизора. Кстати, а телевизор у вас есть?

Телевизор был. Но посмотреть его нам не удалось. Сначала пришлось оказывать первую помощь дернутому током Павлу, успевшему, однако, последним усилием несанкционированно подключиться к воздушке, питающей соседний барак. Затем, ободренные сиянием реанимированных лампочек Ильича, мы с Хуаном устроили небольшую экскурсию по двум жилым комнатам. В одной из них, обставленной в стиле пятидесятых, с панцирными железными кроватями и «лебединым» ковриком, нам и удалось припереть отца к стенке.

– Как ты, папа? – спрашивает Хуан, пристально разглядывая отца при электрическом свете. – Как самочувствие?

– Мама знает? – добавляю я.

На лице отца высвечивается полное непонимание вопроса.

– Вы о чем, детки?

– Как о чем? О твоей болезни, – отвечает Хуан. – Я торопился, как мог.

– Та-а-к. – На лице отца вспыхивают проблески понимания. – А теперь с самого начала, и в подробностях.

– Ты тоже в подробностях, пап, – бурчу я. – Что у вас тут вообще творится?

* * *

Поскольку подробности с обеих сторон могли занять немало времени, решено было перенести их изложение за круглый кухонный стол. И вот что у нас получилось.

Примерно год назад отца угораздило возглавить местную общественную организацию «Экологическая вахта». А возглавив, начать непримиримую войну с самым главным человеком нашего региона. Нет, не с губернатором. И не с начальником ФСБ. С Виктором Николаевичем Крешиным – директором известного на всю страну химического комбината, который в наказание неизвестно за какие грехи был построен у нас еще в далеких 60-х.

С этого момента жизнь моих родителей превратилась в настоящий кошмар. Письма с угрозами и регулярный грязевой душ, который выливали на отца городские СМИ, оказались всего лишь первыми ласточками. Упрямый главврач попал под следствие за получение несуществующей взятки, и был с позором выставлен с работы.

– А оно тебе надо, пап? – Я глубоко вздохнула. – Времена героев-бессребреников и идейных борцов давно прошли... Даже на Кубе. Верно, Хуан? Плюнь ты на все, и живи спокойно. В нашей стране к голосу «зеленых» еще не скоро станут прислушиваться. Это тебе не Англия,

где даму, вышедшую прогуляться в норковом манто, тут же оприходуют баллончиком с краской. Маму бы хоть пожалел! Она-то почему должна страдать, пока ты удовлетворяешь свои амбиции?

– Ника! – возмущенное мамино восклицание заставило меня проглотить несколько фраз, которые нашептало мне мое безотцовское детство.

– Амбиции, говоришь? – как ни в чем не бывало, переспросил отец. – Нет, амбиций не было... Патриция, правда, одна была. А в основном самые обыкновенные Дашеньки, Машеньки, Сереженьки и Олежки. Их каждый день приводили родители в мой центр на обследование. И ждали от меня чуда. А я не волшебник! Я – врач. И повидал в жизни всякое. Но не такое. Будь у меня побольше времени и сил, я бы по кирпичику этот комбинат разнес! Голыми руками.

– Ну, зачем голыми руками? Вам Пашка взрывчатку достать поможет, – встряла Эля. И едва сдержала крик после того, как брат от души наступил ей на ногу.

– Взрывчатку... – грустно усмехнулся отец. – На комбинате охрана, как на суперсекретном объекте. У нас так лаборатории, разрабатывающие биологическое оружие не охраняли... Но, думаю, можно и без взрывчатки обойтись. Совсем недавно у нас появился реальный шанс добиться закрытия комбината. Нам бы, как говорится, только день простоять, да ночь продержаться. Я был уверен, что продержусь, но тут появились вы с Хуаном...

– Ты думаешь, Валер, их могут как-то использовать?.. – Дядя Леня выразительно посмотрел на нас.

– Конечно. Иначе, какой смысл посылать Хуану «электронки» от моего имени? С визой ему помогать...

– Да, визу мне сделали быстро... – Задумчиво кивнул Хуан. – Теперь мне кажется – даже слишком быстро. Но как это может повлиять на твою борьбу? Не понимаю...

– Я пока тоже не понимаю.

Отец встал, чтобы подбросить угля в печку. Мама привычным движением смахнула веником угольки, просыпавшиеся на оббитый стальным листом пол. Пламя загудело в трубе, и этот звук ясно дал мне понять – я дома. И никуда отсюда не уйду. Черт! Угораздило же меня вернуться именно в тот момент, когда нашим домом стала эта развалина. И, похоже, надолго.

– Судя по украденным документам, Крешин хочет, чтобы ты задержался здесь, Хуан, – продолжал тем временем отец.

– Он что, международный скандал раздуть хочет? – фыркнул дядя Леня. – Нелепость какая-то... Только внимание ненужное к себе привлечет. «Гринпис» сейчас на коне...

– Все это – гадание на кофейной гуще. – Мама энергичным жестом выплеснула остатки чая на блюдце и, взглядевшись в разбросанные чайники, покачала головой. – Пойдемте-ка спать. Утро вечера мудренее.

– Точно. Поеду я. – Поднялся Михеев. – Диночка, наверное, уже с ума сходит. Слышите, какая метель разыгралась?

Мы прислушались. За гулом пламени и пением чайника завывания ветра были едва различимы. Но стоило нам вывалиться всей гурьбой в коридор, чтобы проводить дядю Леню, как Хуан восхищенно ахнул:

– Санта Мария! Я даже не думал, что это может быть так...

Эля с братом тоже как замороженные усталились на сварливо скрипящий фонарь, мутным желтым пятном мотающийся в белесой непроглядной тьме. Колючая снежная пыль клубилась в подъезде, делая мучительным каждый вдох.

– А теперь – спать! – снова повторила мама, едва мы переступили порог кухни.

И я рассмеялась, окунувшись в забытое ощущение детства.

– И как ты нас распределишь, мама? Тут всего две комнаты и четыре кровати.

– Все уже продумано, Нини, – мама назвала меня старым детским прозвищем. – Мы с папой ляжем в гостиной. Молодые люди на кухне. Вот я и матрасы для них приготовила. А ты с Элей – в спальне. Придется тебе, как ее гувернантке, проследить, чтобы девушка не попала под чары твоего горячего латиноамериканского братца. Ты только погляди, как мило они беседуют! Ну, вылитые голубки...

– Ей пятнадцать всего, – пробормотала я, уставившись на оживленно жестикулирующего Хуана, и удивительно молчаливую Элю. Вот это да! Чтобы заставить замолчать это армянское радио, наверняка понадобилось нечто исключительное. Куда только подевался ее образ инфантильной капризуши? Неужели и впрямь – красавчик-братишка виноват? Или просто события, произошедшие в семействе Челноковых полгода назад, прибавили Эле горькой взрослой мудрости? По-крайней мере, ей хватило ума и интуиции не сообщать моим родителям, каким образом я зарабатываю себе на хлеб с маслом, и назвать меня своей гувернанткой. Надо будет при случае поинтересоваться – с чего бы...

– Ну и что, что пятнадцать, – ворчала мать, нагружая меня чистым постельным бельем, и вталкивая в спальню со скрипучими железными кроватями. – Они сейчас уже в десять лет о взаимоотношении полов знают больше, чем я узнала к концу жизни.

– Какой конец жизни, мам! Ты еще даже не на пенсии. На тебя мужики заглядываются! Да хоть тот же дядя Ленья. Сама видела.

– Ничегошеньки ты, солнышко, не понимаешь! – Мама безнадежно махнула рукой и, постарушечьи сгорбившись, вышла из комнаты.

Похоже, у мамы были свои тайны, и поверять их мне она совершенно не собиралась. Придется утром устроить отцу небольшой допрос. С этой мыслью я блаженно растянулась на пахнущей свежестью простыне, и провалилась в омут сна без сновидений, даже не подозревая, что допрос уготован именно мне.

Проснувшись я от того, что руки мои затекли в неудобном положении, и, попытавшись повернуться на бок, удивленно распахнула глаза. Еще бы не удивиться, если совершить оборот вокруг своей оси мне помешали охлаждающие кожу «браслеты», приковавшие запястья к стальным прутьям изголовья. Та-ак!.. Неужели я сплю и вижу кошмар, составленный из эпизодов моего недавнего прошлого?

– Тихо, Ника! – Теплая мужская ладонь закрыла мне рот, предотвращая мой негодующий вопль. – Я хочу с тобой поговорить.

Знакомые волны пробежали вдоль позвоночника, едва в оттеняемой воем ветра тишине прозвучал этот хрипловатый голос. Но, возмущенная таким вопиющим покушением на свободу личности, я попыталась достать обнаглевшего бой-френда ногой. Он увернулся и, отодвинувшись вместе со стулом на безопасное расстояние, продолжил:

– Я целых полгода ждал этого. Когда смогу остаться с тобой один на один, и заглянуть в твои лживые глаза.

Скосив свои лживые глаза, уже привыкшие к темноте, я обнаружила, что Элина кровать пуста. Ах ты, маленькая предательница! Предоставила своему брату-садисту разбираться со мной, а сама отправилась на кухню, под бочок к моему братцу! И когда только успела набраться типично женского коварства?..

– Ничего не скажу! – заявила я Павлу, демонстрируя партизанскую выдержку. – Ни слова без адвоката.

– Ну, за этим дело не станет. – По изменившемуся тону я поняла, что он ухмыляется, принимая игру. – Я как раз занялся частной адвокатской практикой. Так что, можете говорить, обвиняемая.

– Прокурор и адвокат в одном лице – это что-то новенькое. Но, если ты настаиваешь, буду говорить. Даже кричать. Хуан прибежит и...

– Можешь не тыкать мне своим Хуаном. За то, что я разрешил Эльке остаться, она мне выдала вас с головой. Ей твои родители еще вчера семейный фотоальбом показали. Короче, я почти весь вечер в курсе, что он твой брат.

Вот так. Выходит, божья кара по имени Эля и тут умудрилась все мне испортить.

– Ты мне жизнь испортила, – без всякого перехода заявил Павел и, вопреки обвиняющему тону, провел рукой по моей щеке. – Я чуть не чокнулся в больнице, когда узнал, что ты уехала.

Его пальцы скользнули по шее, двинулись ниже, отдернулись...

– Сначала я подумал, что ты вернулась к своему бывшему. Но потом встретился с ним в больничном коридоре и понял, что ты кинула нас обоих. Почему, Ника?

Я не ответила. Все, что для меня было аксиомой и не нуждалось в доказательствах, мой тюремщик воспримет всего лишь как невнятные объяснения, порожденные несуществующей женской логикой. И посему я молчала, как партизан на допросе.

– Черт с тобой, Ника, можешь не отвечать. – Губы Павла вдруг оказались совсем рядом с моими. – Что было, то прошло. Сейчас у тебя никого нет. Я это точно знаю. А мне никто не нужен кроме тебя. И теперь ты от меня не отвертись. Если понадобится, я тебя оставлю прикованной к кровати на всю оставшуюся жизнь.

– А в туалет как же? – хмыкнула я, изо всех сил пытаюсь избавиться от наваждения, медленно, но верно парализующего волю и заглушающего глас рассудка. Мама дорогая! Еще немного и я даже головой двинуть не смогу. Нет, все-таки смогла! Его губы промазали и угодили мне в ухо, которое тут же наполнилось вкрадчивым шепотом. Я еще раз попыталась достать Павла ногой, сетуя про себя на недостаточную растяжку. И уже совсем решилась закричать, чувствуя, что вот-вот поддамся этим хриплым ноткам, но опоздала. Из комнаты, где спали родители, донесся испуганный мамин вскрик.

Мы вздрогнули одновременно. Потом на секунду застыли. А потом Павел чертыхнулся, и под непрекращающиеся мамины крики выскочил из комнаты. Разумеется, не придав значения такой мелочи, как сковывающие меня наручники. Все, что оставалось мне – это прислушиваться к доносившейся из соседней комнаты возне. Что там происходит, черт побери?!

Звон стекла, раздавшийся за моей головой, не понравился мне сразу. То, что в комнате стало ощутимо светлее, не понравилось еще больше. А когда вторая бутылка с зажигательной смесью разбилась в каких-нибудь двух метрах от кровати, волосы на голове противно зашевелились.

Огонь расползлся по деревянному барaku с быстротой горной лавины. А я все никак не решалась позвать на помощь. И совсем не потому, что стыдилась предстать перед родителями в таком прикованном положении. Просто, если сейчас откроется дверь, то подстегнутый сквозняком огонь полыхнет так, что эта комната превратится в настоящий мартен. О последствиях думать не хотелось.

И все-таки думать пришлось. И думать быстро. Потом также быстро перекувырнуться через изголовье кровати и, оббив босые ноги о железный каркас панцирной сетки, сбросить его со штырей крепления. Так что не прошло и минуты, как в руках у меня оказалась тяжелая кроватная спинка с ножками, к которой я была прикована коварным Павлом. Оставалось только подхватить ее наперевес и, высадив остатки стекла, ухнуть в пушистый и приятно холодный сугроб. Почему приятно? Да потому, что лучшее средство для лечения ожогов второй степени – это холод. По крайней мере, первые полчаса...

Утро мы встречали в соседнем полуразрушенном бараке в компании сердобольных бомжей. Один из них, – задумчивый философ Петрович, хорошо знал отца, когда-то заведовавшего станцией переливания крови. Он с гордостью продемонстрировал нам значок почетного донора, и вообще старался поднять наш боевой дух с помощью десятка пузырьков «Трояра».

Мы отнекивались, наблюдая в окно за бойцами пожарного расчета, лениво слонявшимися по пепелищу.

Все-таки нам повезло. Наш барак запылал так жизнерадостно, что вообще удивительно, как мы сумели вытащить из него столько барахла. Сваленные в кучу спасенные вещи медленно, но верно заметались снегом. И также медленно во мне закипала ненависть к поджигателям. Мало того, что мою семью лишили последнего пристанища, так еще чуть не выставили меня приверженцем садо-мазохистского секса. Мне крупно подфартило, что первым к месту моего падения подбежал Павел и успел до прибытия родни снять проклятые наручники. Правда, повезло и самому Павлу – мама выбежала из-за угла буквально следом, лишив меня удовольствия задать мерзавцу хорошую трепку.

– Гляди-ка, Палыч! – удивленный возглас Петровича разогнал мрачные мысли. – К тебе с утра пораньше пигалица твоя бежит. Как почувствовала...

Прежде чем уставиться в окно, чтобы разглядеть бегущую «пигалицу», я с удивлением заметила, как лицо мамы превращается в неподвижную маску. Но с еще большим удивлением я узнала в «пигалице» бывшую свою одноклассницу – Наташку Фролову. Ничего не понимая, я обернулась к отцу, но увидела только его спину. Через секунду он уже был во дворе. Не желая оставаться в стороне от развития событий, я кинулась следом, краем глаза уловив, что Павел и Хуан одновременно подскочили, чтобы последовать моему примеру. Так что во дворе мы поджидали Наташку уже впятером – Эля все-таки сумела застегнуть покореженные жаром «ботфорты», и присоединилась к нашей «встрече на Эльбе».

– Ой, Валерий Павлович! – Запыхавшаяся Наташка остановилась метрах в двух от отца, ибо только так могла смотреть ему в лицо, не задирая головы. – Валерий Павлович! А я подумала... Я у пожарных спрашиваю, а они не знают ничего. А вы живы! Говорила же я вам: надо печку менять. Ну, куда там! Когда это главврачи к своим медсестрам прислушивались!

– Всегда. – Отец улыбнулся. – Я всегда к тебе прислушиваюсь. Особенно, когда ты поешь.

– Валерий Павлович! Как вы можете шутить, когда у вас несчастье такое!

– Это не несчастье, Наташенька. Это – самый обыкновенный поджог. А я-то думал, что «коктейль Молотова» из моды вышел...

– Какой коктейль? – Наташка непонимающе обвела взглядом нашу дружную пятерку. – Вы что пили?

– Кончай притворяться, Наталья! – фыркнула я, неприятно удивленная теплыми смешинками, блеснувшими в глазах отца. – У тебя ж по истории пятерка была. Неужели не ясно? Какие-то козлы закидали нас бутылками с зажигательной смесью.

Круглая отличница Наташка Фролова уставилась на меня, как на ожившее приведение. Но радостной встречи одноклассниц не получилось.

– А вот и сами козлы пожаловали, – пробормотал отец, наблюдая, как из-за снежного бархана к нам подъезжает тонированный джип.

– Я правильно догадался? – Хуан сделал шаг вперед и встал рядом с отцом. – Это хозяин комбината, который ты хочешь закрыть?

– Совершенно верно. Виктор Николаевич Крешин собственной персоной. Приехал поглядеть на дело рук своих. Вернее, своих подручных. А заодно и соболезнования принести. Смышленный парнишка. Ни разу впрямую мне не угрожал.

Джип фыркнул в последний раз, и остановился. Из него тотчас вылетели трое амбалов и, завертев головами в поисках неведомой опасности, обеспечили шефу прикрытия своими накаченными телами. В зеркальном стекле открывающейся дверцы отразилось затянутое снежной дымкой бледное солнце, и на перемешанный с золой снег ступил один из трех богов химической промышленности.

Не могу сказать, что на моем жизненном пути попадались сплошные олигархи, но меньше всего я представляла Крешина таким. «Смышленный парнишка» – так назвал его отец. «Соп-

ляк», – завертелось у меня на языке, просясь наружу, самое точное определение. Да ему даже тридцати нет! Он же младше меня как минимум на пятилетку! Ровесник Павла и Хуана держит в кулаке весь регион?! Никогда не поверю.

Крешин медленно подходил, перешагивая через разбросанные по всему двору головешки, и с каждым шагом я мысленно прибавляла ему по году. А когда он остановился, сделав успокаивающий жест порывающимся от рвения секьюрити, ему можно было уже спокойно дать мои полные тридцать два. Холеный, но ночь явно не спал. И, не только эту – вон какие круги под глазами. А так вроде ничего. Породистый. Одет неброско, но стильно. Черное пальто, темно-серый ручной вязки шарф, без шапки... Черт, да ведь Элька тоже без шапки! Вот отморозит уши на таком ветру, как потом перед ее папашей отчитываться буду? Знаем мы этих миллионеров: чуть что – сразу в наручники, и к батарее...

– Доброе утро, Валерий Павлович. – Подошедший почти вплотную Крешин картинно улыбнулся. – Хотя вам оно вряд ли кажется добрым.

– Можете не продолжать, господин Крешин. – На лице отца вырисовалась ответная улыбка. – И – не задерживаться. Соболезнования я принимаю только от друзей.

– А кто сказал, что я вам не друг? – как ни в чем не бывало продолжал молодой олигарх, поднимая норковый воротник. – Кто кроме друга может сделать вам предложение, от которого вы просто не сможете отказаться?

– Да неужели?

– Откуда столько иронии, Валерий Павлович? Мы, конечно, являемся с вами в каком-то смысле идеологическими противниками. Но даже вы не можете отрицать, что денег, потраченных мной на благотворительность, хватит, чтобы построить второй такой же комбинат. Поэтому, в связи с постигшим вас несчастьем, на экстренном собрании акционеров было решено выделить вам квартиру в доме, недавно построенном для работников комбината. А также две путевки на Канарские острова, чтобы вы с супругой могли отдохнуть и подлечиться. Говорят, стресс нужно лечить по горячим следам, во избежание тяжелых последствий.

– Дайте-ка я угадаю, – усмехнулся отец, встретив невероятно-синий взгляд олигарха. – Эти путевки куплены как раз на время предстоящего судебного заседания. Сами вы оттягивать его больше не можете, а вот если не явится истец, то есть я, дело о закрытии комбината будет закрыто. Не так ли?

– Вы правы лишь отчасти, господин Евсеев. – Взгляд Крешина утратил глубокую синеву, став пронзительно голубым, как лед на торосах, вздыбленных над ровной поверхностью припая. – Время судебного заседания и тех путевок, которые мы по доброте душевной предлагаем вам, действительно совпадает. Но вы проиграете, даже если останетесь здесь. У вас нет адвоката. Уже нет. И другого вы вряд ли успеете найти... Так что, дело все равно будет проиграно. Поймите это, и соглашайтесь на мои условия. Настоятельно вам рекомендую: соглашайтесь.

В этих на первый взгляд самых обычных фразах уровень угрозы зашкаливал за максимальную отметку. Расслабившиеся, было, охранники взбодрились, и сомкнули строй за спиной своего шефа, явно оценивая расстановку сил. Отец с Хуаном, стоящие плечо в плечо, тоже подобрались. И я еще раз поразились фамильному сходству. Двое против четверых. Наташка Фролова, прижавшаяся к отцу с другой стороны, в счет не шла. Зато в счет пошел Павел Челноков. Он крепко ухватил дрожащую Наташку за рукав и, спровадив за спину, занял ее место. А я, вовремя вспомнив, что являюсь в глазах родных простой гувернанткой, не торопилась влиться в ряды маленькой армии. В конце концов, на всех секьюрити господина олигарха хватит одного бывшего омовца.

– Кто этот молодой человек? – предельно вежливо поинтересовался Виктор Крешин, оценивающе скользнув взглядом по высокой худощавой фигуре Павла. – Ваше досье, господин Евсеев, я выучил наизусть. В нем есть фотографии вашего сына Хуана и дочери Ники. Кстати,

приятно познакомиться. Знаю я и вашу бессменную помощницу по «Экологической вахте», – госпожу Фролову. А вот его я как-то не припомню. Может, представите?

– Я и сам представлюсь. Павел Владимирович Челноков, адвокат господина Евсеева. И как адвокат советую вам хорошенько подготовиться к следующему слушанию.

Все-таки в том, что ты сын миллионера, есть свои преимущества. Даже в закопченном пуховике Павел выглядел не менее надменно, чем сам химический магнат.

– Значит, если я правильно понял, господин Евсеев, ваш ответ «нет»? – Крешин на миг утратил скучающе-равнодушный вид.

– Какой смысленный молодой человек, – улыбнулся отец в ответ. Он слишком часто улыбался в течение всего обмена любезностями, и я вдруг поняла: как же он боится! За меня, непутевую дочь, так и не простившую ему двадцатилетнего отсутствия; за Хуана, оказавшегося в чужой стране без документов, на пепелище послевоенного барака; за маму, пристально наблюдающую за сценой переговоров из окна, наискось заклеенного прозрачным скотчем; за мою одноклашку – Наташку, как-то неожиданно прижавшуюся ко мне. Даже за Элю с Павлом. И, глядя на ставшее вновь равнодушным лицо молодого олигарха, я поняла, что бояться действительно стоило.

– У вас еще есть время подумать, господин Евсеев. Надеюсь, делать это вы будете не под открытым небом? Вашему теплолюбивому сыну наши морозы вряд ли пойдут на пользу.

– Да, пошел ты..! – Хуан снова блеснул своими познаниями в русских трехэтажных, чем вызвал оживление в рядах секьюрити. Они совсем не прочь были согреться, и с нетерпением ждали команды шефа. Но в это время мобильник в кармане Крешина пропиликал начальные такты «Бригады», и тот, молча выслушав звонившего, неторопливо пошел к джипу. Разочарованные, охранники поплелись следом. И вскоре только вдавленный в снег след протекторов напоминал о существовании цивилизации, и ее пороков.

– Ну что, адвокат... – Отец повернулся к Павлу. – Хочешь сказать, что всерьез берешься за это дело?

– Берусь, – подтвердил тот, напрочь игнорируя мои испепеляющие взгляды. – Вот, только Эльку отправлю домой на всякий случай, и поступаю в ваше распоряжение. Посмотрим, что у вас на них есть, и...

– И не надейся, – фыркнула девица, поглубже натягивая засаленную ушанку, которая еще недавно украшала голову Хуана. И когда он только успел ее на Элю нахлобучить? – Даже если ты меня на самолет посадишь, я с парашютом выпрыгну.

– Я сказал..! – разозлившийся старший брат шагнул к Эле, но мы с Наташкой в две груди загородили упрямую девицу.

– А ведь он прав, Эля, – отец попытался немного разрядить обстановку. – Случаи могут быть всякие. Ты уже большая девочка. И умная. Должна понимать, на что люди идут ради денег.

– Будто я не знаю, – чуть слышно пробормотала моя бывшая подопечная. И была права. Ей ли не знать...

– А ты, Ника, поедешь с ней, – неожиданно продолжил отец, и, предвосхищая мою отповедь, продолжил: – Чем меньше у меня будет болевых точек, на которые Крешин сможет надавить, тем лучше.

Масла в огонь моего возмущения подлил Павел:

– В конце концов, ты ее... гувернантка, хоть и бывшая. А значит, должна обеспечить Эльке безопасность.

– Никуда я отсюда не... – начала я, но тут Хуан передернулся на ледящем ветру, и предложил:

– Может, будем спорить дома? То есть, я хотел сказать: где тепло?

Мы молча взглянули на посиневшего кубинца, и пошли в тепло.

* * *

В салоне джипа тоже было тепло, несмотря на опущенное до упора зеркальное стекло дверцы. Пожилой человек в ондатровой шапке глубоко затягивался немилосердно дымившей беломориной, и рассеяно выслушивал доклад Крешина.

– Я с самого начала предполагал, что он не согласится... – На морщинистом лице человека проглядывало удовлетворение. – Другого я от него и не ждал. Такие при Совдепии узкоколейки строили. Борцы за идею...

– Может быть, поэтому я его и уважаю. Мне надоели борцы за деньги, Анатолий Васильевич. Что-то много их в последнее время развелось... Я могу даже сказать, о чем они думают сидя на толчке. А этот главврач – он с другого левела. Таких я, можно сказать, совсем не знал.

– Зато я знал прекрасно. И знал, сколько он может создать нам проблем.

– Это и я теперь знаю... – Крешин тоже достал сигарету, и прикурил от зажигалки одного из секьюрити.

– Тогда я не понимаю тебя, племянничек. Кажется, эту аксиому ты выучил с детства: нет человека – нет проблемы...

– Нет.

– Что «нет»?

– Нет, и все.

– Не понимаю. – Анатолий Васильевич Меранский щелчком отправил в окно наполовину докуренную сигарету, и, ежась от холода, поднял стекло. – Это глупо. А если он выиграет дело? Не забывай, что у меня в твоём комбинате свой интерес. И не маленький. Если что, не расплатишься за всю оставшуюся жизнь.

– Жизнь... – Крешин, поморщился. – Видите ли, дядюшка, – время меняет людей. И ваш копатель узкоколейки тоже постиг кое-какие аксиомы. В частности ту, где говорится о том, что береженого Бог бережет. И хоть я ни разу ему не угрожал, он принял меры. Примерно три месяца назад этот правдолюбец договорился со мной о личной встрече, и впрямую заявил, что боится за себя и свою семью. А потому продал все, что у него было, влез в долги, и заключил некий контракт.

– Какой такой контракт?

– Самый обыкновенный. – Крешин нервно усмехнулся. – Если с ним и его семьей что-нибудь случится – я умру. Может быть не сразу, но в течение трех месяцев точно.

– Вздор! – фыркнул в ответ Анатолий Васильевич. – Он блефует.

– Нет, дядя. Я кое-что понимаю в людях. Это не блеф. Он действительно влез в долги, продал квартиру. И тебе прекрасно известно, что никакая охрана меня не спасет, если он нанял профессионала.

– И какого хрена ты молчал, идиот?! – Пожилой и с виду респектабельный дядюшка разразился такими матюгами, что Крешин поперхнулся сигаретным дымом. – Ладно. Хорошо, хоть сейчас предупредил старика... Теперь придется срочно кое-что корректировать.

– С чего это вы так переполошились, Анатолий Васильевич? – Молодой олигарх соорил кислую мину. – Я собираюсь честно победить в суде. Ну, или почти честно. Вот, только, адвокат этот новый...

– Как ты сказал его зовут?.. – Подернутые мутью времени глаза Анатолия Васильевича стали такими же синими, как у племянника.

– Челноков. Кажется, Павел Владимирович... А что?

– Знакомая фамилия, Витюша. Очень знакомая... – Да какая, блин, разница, какая фамилия у нашей новой проблемы!

– Ошибаешься, Витюша... – Вспыхнувшие синим глаза снова потускнели, будто погрузились под лед. – Не у проблемы – у подарка судьбы.

Глава третья

Мы сидели в грязной вонючей комнате, оставаться в которой, приняв предложение гостеприимного Петровича, было выше человеческих сил, и решали самый паскудный в мире вопрос, испортивший немало москвичей. Квартирный. Собственно говоря, решать было особенно нечего. Нас с Элей выпроваживали. Мама с отцом однозначно решили попроситься на постой к дяде Лене. Павел выбрал гостинцу. Оставался только Хуан. Точнее, не оставался. Отец категорически настаивал, чтобы незвано-непрощено нагрянувшие детки выметались из города к чертовой матери. Дабы не мешать ему вести непримиримую борьбу с местными губителями природы. Проблема вырисовывалась только одна – украденные документы.

– И что, мне опять автостопом до Москвы добираться? – пробурчал Хуан. – А дальше что? В милицию идти? Слышал я про вашу милицию... Заметут, и не заметят.

– Зачем в милицию, – хмыкнул Павел. – Иди в посольство.

Но Хуан уперся.

– Я остаюсь. Хотя бы на неделю. – И, резко обернувшись к отцу, добавил: – Семь лет назад ты нас бросил. Если бы не это письмо, я ни за что бы не приехал. А раз приехал, то хочу расставить точки над «й».

– Над «и», – машинально поправила я, впадая в глубокую задумчивость.

И было от чего. Завидуя младшему брату черной завистью из-за того, что он рос в полной семье, я как-то подзабыла о повторном предательстве отца. Бросить вторую семью, чтобы через двадцать лет вернуться в первую... Пожалуй, у Хуана было не меньше претензий к Валерию Евсееву, чем у меня. Кроме того, мои обязанности телохранителя никто не аннулировал... Интересно, как я сумею разорваться между Элей и Хуаном? Своим бывшим подопечным, и нынешним?..

– Давайте сначала уберемся отсюда, – не выдержала мама. – Еще пять минут, и я совсем задохнусь. Поедем к Михеевым, ладно? А там уже все окончательно решим.

– Поедем. – Поднялся отец.

– А может, ко мне? – нервно теребя конец шарфа, предложила Наталья. – У меня двухкомнатная...

– Нет уж. – И снова лицо мамы нехорошо закаменело. – К Лёне поедем.

– Поедем, – согласно кивнула я. – Только сначала в одно место заскочим. Даже в два.

– Это куда же? – подозрительно поинтересовался Павел.

– Сначала в агентство по торговле недвижимостью. А потом в банк. Надеюсь, в нашем захолустье уже открылся филиал Х***ского банка?

* * *

Мы брели по глубокой колее, проторенной в свежеевыпавшем снегу не иначе как мамонтом. И я впереди – на лихом коне. А как же иначе, если вся родня смотрела на меня теперь как на Рокфеллера, Форда и Билла Гейтса вместе взятых. Кажется, я уже упоминала о своем маленьком капитале, припрятанном в чулке на черный день. И поскольку даже пожарные, покидавшие пепелище, согласились бы с тем, что чернее этого присыпанного золой дня не придумаешь, мне оставалось только снять со счета деньги, и приобрести для клана Евсеевых новую квартиру. Было непривычно и как-то даже неприятно наблюдать то и дело проявляющееся на лицах родителей удивление, смешанное с недоверием. Наташка вообще как сделала круглые глаза, так до сих пор недоуменно моргала. Нет, действительно, откуда у простой гувернантки такая сумма?!

– Это ты в Англии заработала? – выдохнул мне в ухо Павел ядовитый вопрос. – Интересно, каким образом? Вроде, даже для твоей телохранительной зарплаты многовато... Или успела английского миллионера подцепить?

Я проигнорировала наглеца и, гордо отвернув голову, разглядела синие выхлопы, вылетающие из сарая, примостившегося у самой обочины. И мужика в телогрейке поверх грязно-серой майки, сосредоточенно возившегося с нещадно скрипевшей воротиной.

– Эй! Не подбросите нас до центра? – закричала я во все горло. Видеть, как мама все чаще поскальзывается от усталости, было выше дочерних сил.

– А чё, подвезу, – осклабился мужик. – Мне туда и надо.

– Так, – раскомандовалась я, – мама, Эля, Наталья и Хуан – в машину. А мы до автобусной остановки как-нибудь доковыляем.

Не успели Эля и Хуан возмутиться моей диктатурой, как мужик неожиданно вмешался:

– Все поместитесь. Залезайте.

И с надрывным «Ха!» отвалил-таки заledenевшую створку ворот, где вместо разваленного «Запорожца», «Москвича» или, на крайний случай, «Жигулей» красовался шикарный японский микроавтобус, чуть ли не этого года выпуска. Контраст между затрапезным видом хозяина и серебристым сиянием дорогушей машины был настолько разительным, что мы, не проронив ни слова, один за другим влезли в благоухающий освежителем салон. И в таком же потрясенном молчании были доставлены балагурившим всю дорогу телогреечным автоладельцем прямиком в риэлтерскую компанию.

Можете мне не верить, но на покупку мебелированной трехкомнатной квартиры, с полным ее оформлением, нам понадобилось всего полдня. И всего три тысячи евро сверху на освобождение от положенной в таких случаях бумажной волокиты – документы нам обязались представить в самый короткий срок. Так что, когда полноправные владельцы квартиры господы Евсеевы переступили порог своего нового жилища, можно было подумать и о праздничном обеде. То есть, уже об ужине.

– Я угощаю! – порылась я в кошельке, лихорадочно пересчитывая немногие оставшиеся купюры. – Сейчас в магазин сгоняю. Макароны куплю, кетчуп и еще кое-что. Ужин у нас будет в итальянском стиле.

– Скорее, в японском, – хмыкнула Эля.

– Почему?

– Потому что есть придется, как настоящим японцам – палочками, – просветила меня моя бывшая подопечная, и против всех правил приличия зашушукалась со старшим братом.

– У вас даже вилок нет. Не говоря уже о тарелках и кастрюлях, – усмехнулся Павел, очевидно, выслушав очень важные доводы. – Не ехать же сейчас за оставленным под охраной бомжей скарбом...

– Тарелки и вилки можно взять одноразовые, – не сдавалась я. – А на одну кастрюлю уж как-нибудь наскреб у.

– Есть другое предложение, – не выдержала Эля. – Давайте все пойдем в ресторан, и обмоем квартиру. Все равно нам завтра уезжать, так хоть гульнем напоследок. А, Ника? Помнишь мой день рождения? Как отпадно было!

При упоминании об этом историческом событии, глаза ее нахального брата снова сверкнули хищными зелеными огоньками. А я постаралась придать своему лицу выражение полнейшего равнодушия. Ну и что, что ему тогда удалось меня соблазнить! Это еще не повод так плотоядно улыбаться!

– Никаких «гульнем»! – Я была сама непреклонность. – Никаких ресторанов.

– А почему нет? – неожиданно для всех поддержала Элю Наташка, мотавшаяся за нами весь день неприкаянным хвостиком. – Сегодня же двадцать четвертое декабря – католический сочельник. Хуан, наверное, отметить захочет...

Вот ведь отличница на мою голову выискалась! Знаток христианской религии... Я вдруг вспомнила, как в десятом классе Наташка выдержала настоящую травлю после того, как заявила на уроке истории о подозрительном сходстве христианских заповедей и кодекса строителя коммунизма. Она всегда была такая. Говорила то, что думала. Даже тогда, когда лучше было промолчать. И в этом мы с ней были похожи. Я тоже не умела врать, да и сейчас не особенно научилась, но мамиными стараниями с детства усвоила постулат о молчании и желтом драгметалле.

– Надо же... – Мама грустно улыбнулась. – Рождество... Я совсем забыла. Выходит, Ника, ты нам рождественский подарок сделала? И вправду – грех не отметить.

– Рождество – домашний праздник, мама! – Я упиралась как девчонка, которую уводят из магазина игрушек, и сама не слишком хорошо понимала почему. Вру. Все я прекрасно понимала. Но даже самой себе не могла признаться, что боюсь. Ну, с какой стати я должна бояться похода в ресторан? Вот и я говорю: не должна. И тем не менее...

– И в какой же ресторан нас в такой одежде пустят? – Продолжала я сопротивление. Уже бесполезное, ибо в глазах всех присутствующих плясали огоньки предвкушения праздника. Даже Хуан готов был нарушить католические традиции, заразившись бесшабашным русским «Гулять, так гулять». Очевидно, сказывались гены.

– Да если мы даже голые туда завалимся, нас пропустят, – с непрекращаемым видом заявила Эля Челнокова. И, заглянув в сумочку, совсем как я недавно, принялась сводить дебет с кредитом. – «Евры», они и в России «евры». Главное, что бы нам их хватило...

– Хватит, – ухмыльнулся Павел. – Оставь в покое свои карманные. «Поляна» за мной.

– Э-э-э, молодой человек! – Погрозил пальцем отец. – Не забывайте, что, будучи моим адвокатом, вы вряд ли можете рассчитывать на гонорар. Хотя ваш отец человек небедный, и в состоянии нанять для дочери гувернантку...

Я еще успела подумать что Эля, рассказывая моим родителям о размере капитала господина Челнокова, однозначно опустила несколько последних нулей, прежде чем Павел взорвался:

– Я не на содержании!! Сам зарабатываю! А ну, колитесь, какой кабак тут самый приличный?

Как ни странно, главным источником информации о злачных заведениях нашего города оказалась отличница-Наташка. С ее помощью, путем открытого голосования, был выбран довольно приличный ресторан. Не самый дорогой, потому что в самых дорогих отсутствовал краеугольный камень праздника по-русски – дансы. В переводе с продвинутого Элиного на общепринятый – танцы. А судя по Наташкиному описанию, в «Бомбее» лабали просто чумовые ребята. Так что не прошло и часа, как наша дружная компания входила в гостеприимно распахнутые, несмотря на сорокаградусный мороз, двери ресторана. В дополнение к обычным секьюрити вход бдительно стерегли два полутораметровых гипсовых слона с человеческими глазами. Б-р-р. Жутковатое зрелище. Или это просто я была на каком-то нервном взводе?

Во всяком случае, поначалу все шло хорошо. По причине понедельника свободных мест в зале было, хоть отбавляй. Но мы заранее решили проситься в кабинку, чтобы иметь возможность нормально общаться, а не вопить друг другу в уши, перекрикивая вылетающие из колонок децибелы. Однако вежливая администраторша, упакованная в индийское сари, и с выражением лица, которое мне так и не удалось классифицировать, заявила, что кабинка уже заказана, и проводила нас к самому дальнему столику.

Как минимум полчаса у нас ушло на обсуждение меню, которое могло поспорить толщиной с первым томом «Войны и мира». Несмотря на экзотическое наименование, ресторанная кухня оказалась европейской. И это было к лучшему, поскольку с утра не державшие во рту маковой росинки, мы могли реагировать только на знакомые названия. Так что главными из заказанных блюд, естественно, оказались пельмени в горшочках.

– Ну, тогда за встречу! – Отец мужественно взял на себя обязанности тамады.

Мы дружно чокнулись разнокалиберными хрустальными емкостями, и пригубили каждый свой любимый напиток. Внимательно наблюдая одним глазом за Хуаном, лихо опрокинувшим стопку водки под одобрительное хмыканье Павла, вторым я углядела необычную суету, возникшую у входа в зал. Администратор и половина официанток чуть ли не во фронт вытянулись перед невысоким, но крепким мужчиной, позади которого вышагивали четыре длинноногие цыпы, метр девяносто каждая.

– Ого... – пробормотала себе под нос Наташка. – Глядите-ка, кто пожаловал...

– Кто? – любопытствовал Хуан, вытирая слезы, выступившие после глотка непривычной сорокоградусной.

– Иннокентий Бекетов собственной персоной. Великий гуру, и основатель очередного братства – «Белозерье».

– А эти девицы? – вставила я, ревниво разглядывая четыре пожарные каланчи, на десять сантиметров выше меня.

– А эти девицы – его лакшми, – ехидно просветила меня бывшая подруга. – Телохранительницы и наложницы в одном лице.

– Лакшми? – переспросил Павел.

– Богиня счастья и любви в индийской мифологии, – предупредила мой ответ Наташка. И то, как она улыбнулась ему, сосредоточившемуся на вырезе ее кофточки, мне совершенно не понравилось.

Пока мы всем столом пялились на проплывавших мимо девушек и самого «Великого гуру» Кешу, всезнайка-Наташка вводила нас в курс последних религиозных новостей:

– Он у нас года три назад появился. Такой коттедж себе отгрохал за рекой – олигархи позавидуют. И кинул клич: кто хочет в нирвану попасть – топай ко мне. Ну и потопали к нему, конечно... Только он не всех брал. Чтобы вкусить благодать в «Нирване», так он свой коттедж назвал, какие-то садистские испытания нужно пройти...

– Это точно, – неожиданно поддержал Наташку отец. – В наш центр некоторых из его «Белозерского братства» доставляли. На носилках. Они себя голодом чуть совсем не уморили.

– А зачем ему телохранительницы? – равнодушным голосом любопытствовала я, старательно пряча профессиональный интерес. – Для фасона?

– Не для фасона. Слышал, на него было несколько покушений... Не то, чтобы убить хотели, но избить – точно. Так вот, тем, кто покушался, пришлось потом руки-ноги в гипс заворачивать. Серьезные девицы.

– И за что его избить хотели? – оживился заскучавший, было, Павел. – И кто?

– Родственники девчонок, которые к нему в «Нирвану» ушли. – Наташка снова сделала большие глаза. – Что с ними там творили, никто не знает. Домой ни одна не вернулась. Так и живут там. Даже с родителями не общаются – натуральные зомби.

– Да хватит вам страхи нагонять! – отмахнулась Эля от скрывшейся в кабинке процессии. – Пойдемте лучше потанцуем! Эх, зажигать – так с музыкой!

Не дожидаясь ответа, она схватила Хуана за руку, и потащила в круг танцующих, лениво двигавшихся в такт чему-то «фабричному». Вернуться к столу моему братцу удалось только через полчаса. Выглядел он при этом не лучшим образом. Динамо-машина по имени Эля способна была измотать любого, желающего помериться с ней силами в танцах.

Я бросила быстрый взгляд на часы. Десять. Ресторанный гудеж приближался к своему апогею, когда никому ни до кого уже нет дела, и все проблемы решаются легко и просто – принятием очередной алкогольной порции. Как-то так получилось, что за столом остались только мы с мамой: Павел, Эля и Наташка резвились на дансинге, а отец с Хуаном вышли покурить. Я рассматривала ее в мигающем электрическом свете, и чувствовала себя настоящей предательницей. Сказать, что мама в последнее время сдала, – это сказать половину. И дело не только в

новых морщинах, и горьких складках у губ. Старость поселилась в ее глазах, когда-то темно-серых, а теперь поблекших, выцветших, словно часто стираное белье. Мама дорогая, что же я наделала? Моталась по стране, убегая от боли и чувства вины, и не замечала, что с каждым годом теряю то, без чего, наверное, можно прожить. Даже долго. Но – не счастливо. Где же твоя улыбка, мама? Твоя солнечная улыбка, один луч которой заставлял окружающих улыбаться в ответ. Неужели я виновата еще и в этом? Как виновата в бессонных ночах, которые ты коротала над моей скрипучей детской кроваткой.. Когда ты последний раз нормально спала, мама?

– Я думаю, уже давно, – неожиданно сказала она, словно отвечая на мой невысказанный вопрос. – А ты как думаешь?

И не успела я заподозрить, что цыганская кровь наградила ее вдобавок ко всему еще и телепатией, как мама резко отодвинула в сторону бокал с вином, и наклонилась ко мне через стол.

– Я думаю, он уже давно спит с ней.

– Ты о чем, мама? Кто спит? С кем?

– Твой разлюбезный папочка! – Я только сейчас заметила, что она пьянеет буквально на глазах. – Твой дорогой ненаглядный папочка спит с твоей школьной подругой!

Хорошо, что я едва успела поднести к губам рюмку с виски, иначе точно поперхнулась бы.

– Да что ты, мам, выдумываешь! Папа и Наташка! Бред какой! Она же совсем не в его вкусе – рыжая. А ему такие, как ты всегда нравились, – черненькие...

Нет, все-таки последняя рюмка у меня была явно лишней. Это надо же ляпнуть такое! Не стоило напоминать маме, что папина кубинка действительно была очень на нее похожа.

– Я знаю что говорю. – Казалось, мама не заметила моего промаха, или просто сделала вид. – Они работали вместе. Вместе и в этой дурацкой «Экологической вахте» агитируют. Она его первая помощница, и знает даже то, что он ни за какие коврижки мне не расскажет!

– Но это еще ничего не значит, мам!

– Не значит... А то, что твоя Наташка в открытую заявляет, что балдеет от мужчин, которые ей в отцы годятся? А то, что я в ее сумочке нашла его ручку? Ну ту, с гравировкой об окончании института... Он с этой ручкой не расставался тридцать лет. А теперь говорит – потерял. Кобель старый!..

– Мам, ты что, в ее сумочку лазила? – Я не верила своим ушам. Моя мама? Да быть такого не может...

– Знаешь, я тоже никогда не думала, что докачусь до такого... – Пьяные слезы вот-вот готовы были сорваться с длинных маминых ресниц. Нет, все-таки она у меня красавица. Даже сейчас. Они всегда были эффектной парой. Но если он и вправду с Наташкой каруселит, – я ему... Я ей...

– Слушай, мам, погоди, не горячись. Ты ведь точно ничего не знаешь.

– Скоро узнаю. – Серые глаза сверкнули дамасской сталью.

– Ты, что карты собираешься раскинуть? Мам, не надо. Ну, пожалуйста, не надо!

– Глупая, и чего ты переполошилась... Сама, небось, сто раз гадала...

– Может, я и гадала. А тебе нельзя. Я помню, что тебе тетя Роза говорила. Сколько раз будешь гадать, столько раз несчастной до самого последнего края будешь. Или что-то в этом роде. А тетя Роза знала, что говорила. Она еще в кибитке с табором по стране моталась...

– Нини, неужели ты с твоим высшим образованием веришь в эту ерунду?

– Ерунду? Я помню, как ты гадала перед отъездом отца! И он не вернулся. И ты была несчастна. Давай, я лучше у Наташки напрямик спрошу. Ты не можешь, а я спрошу. Она врать не умеет. И все станет ясно.

– Спросит она, – проворчала мама, немного успокаиваясь. – Иди, спрашивай. Только вряд ли она тебе сейчас что-нибудь вразумительное ответит.

Проследив за ее взглядом, я посмотрела на дансинг, и так и застыла с полуоткрытым ртом. Под завывающую восточную музыку, которую уже по четвертому разу заказывал «для друзей и всех присутствующих» некий бизнесмен Заур, тихоня Наташка демонстрировала танец живота. Всем, и в первую очередь – Павлу. Танцующие азартно хлопали, образовав большой круг, в центре которого она вилась под турецкие переливы, точно хмель по натянутой веревке. Вот это пластика! Можно подумать, что ей не тридцать два, а двадцать три. Теперь не только Павел Челноков, все мужики в зале ее: выбирай любого, и уводи... Наташка выбрала Павла. Не дожидаясь, когда закончится песня, она схватила его за рукав и потащила в коридор. Боковым зрением я уловила пристальный мамин взгляд, и покраснела.

– Может, сама потанцуешь, кости разомнешь? – предложила она.

– Музыка левая, – пробормотала я, лениво ковыряя вилкой в салате. – Не люблю я эти восточные дела. Сыта по горло.

Не успела мама спросить о причине моего отвращения к восточной музыке, как по залу пронесся восхищенный шепоток. Вернее, сам шепот мы, конечно, не услышали из-за продолжавшей завывать музыки, но то, что все присутствующие как один повернулись к дансингу, говорило о многом. Даже Великий гуру Кеша, забывший про своих лакшми, до половины высунулся из-за бамбуковой занавески, дабы не пропустить незабываемое зрелище. В суматохе цветных лучей на моментально опустевшем дансинге танцевала Эля. Еще минуту назад мне казалось, что Наташкин танец живота не удастся затмить даже профессиональным исполнительницам, но сейчас я поняла, как безнадежно далека была от истины.

Не знаю, где Элька выучилась этому. Наверное, в Англии. Но то, что она вытворяла даже не под аплодисменты, – под восхищенное молчание, описанию не поддавалось. Новомодные джинсы, затянутые широким поясом чуть ниже пупка и короткий топик, едва прикрывающий грудь, как нельзя лучше подходили для соблазнительных изгибов и покачиваний. Ох, и напачется еще миллионер Челноков, пока замуж ее сбавит.

– Надеюсь, этому ты ее не учила, госпожа гувернантка? – поинтересовалась мама.

– Пойду, Хуана с отцом поищу, – пропустила я мимо ушей ехидный вопрос. – Пока совсем на никотин не изошли.

И, выбравшись из-за стола, запетляла по залу к выходу. Похоже, наши родственные отношения начали мешать профессиональным. Ведь никого другого я без собственного сопровождения в коридор не выпустила. А тут брат, значит, вроде и не «объект»... Это больше нельзя допускать. Я подписывала этот чертов контракт. Подписывала...

Место для курения в «Бомбее» было отгорожено несколькими пальмами в кадках, так что, продираясь через искусственно созданные джунгли, я несколько раз теряла из виду Валерию и Хуана Евсеевых. Кажется, их действительно нужно было спасать от никотинового отравления – пепельница возле каждого была доверху заполнена окурками. До меня долетали обрывки серьезного мужского разговора. Но как я не вострила уши, так и осталась в абсолютном неведении о его предмете – отец и сын говорили по-испански.

В последний момент я все же сообразила, что третий в этой корриде явно лишний. Даже если этот третий – родня и телохранитель в одном лице; поэтому, обогнув очередную пальму, двинулась в обратную сторону, чтобы нос к носу столкнуться с коварной Наташкой. Школьная подруга пребывала в гордом одиночестве. Павла нигде не было видно, так что я с чистой совестью приступила к дознанию, начав, правда, несколько издалека.

– Что, Наталья, лавры жен декабристов покоя тебе не дают?

В ответ Наташка только быстрее захлопала длиннющими ресницами. И чем она их только красит?

– С тобой все в порядке, Ника? Может, это виски так на тебя действует? Причем тут жены декабристов?

– А притом, что они за любимыми в ссылку подались. Героини, так сказать. Верные помощники гонимых страдальцев. Таких же, как вставший здешним акулам капитализма поперек челюстей Валерий Евсеев.

– Я не понимаю...

– Не прикидывайся невинной... – Я позабыла нужное слово – животноводство не самая сильная моя сторона. – Короче, не прикидывайся. Отвечай сразу, и честно: спишь с моим отцом, или не спишь?

– Ты с ума сошла, Ника! – Наташка густо покраснела, начиная ото лба, и заканчивая так заинтересовавшим Павла декольте.

– Да или нет? – Я нависла над ней, как Пизанская башня, и угрожающе повторила: – Да или нет?

Нет! – Наташка даже подпрыгнула, опасаясь, что смысл ответа может дойти до меня с опозданием, как до жирафа, и я вытворю какую-нибудь глупость. – Нет!! И еще раз нет!!!

– Ну и чего было так кричать? Я не глухая. Прекрасно слышу каждое слово. На «нет» и суда нет, – пробормотала я, с удивлением обнаружив, что нас взяли в кольцо бдительные вышибалы. – Все в порядке, мальчики. Всего лишь дружеское общение старых школьных подруг.

– Да-да, все нормально, – поспешно подтвердила испуганная Наташка. И неизвестного кого она испугалась больше: меня, или пятерых качков, недоверчиво переминающихся с ноги на ногу.

– Потихе в следующий раз общайтесь, – пробубнил один из секьюрити, судя по ладно сидевшему пиджаку – начальник охраны. – У нашего заведения – репутация. И мы ее марать не позволим.

Отвязавшись от охранников, я уже нормальным голосом задала бывшей подруге второй, очень интересующий меня вопрос:

– А Павла ты куда дела, красавица?

– Н-не знаю. – Наташка снова захлопала ресницами, вызвав у меня очередной приступ зависти. – Администратор подошла и сказала, что его на улице какой-то дедок спрашивает. Так и сказала «дедок». Павел удивился, ответил, что не знает здесь никого, но потом оделся и вышел.

– Давно? – Кажется, мое бедное сердце заимело привычку слишком часто сбиваться с ритма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.